

Нострадамус

Автор:

Мишель Нострадамус

Нострадамус

Мишель Нострадамус

Мирослав Вячеславович Адамчик

Тысячами легенд окутано имя Мишеля Нострадамуса, врача и мыслителя эпохи Возрождения. Причиной тому – написанные им «Пророчества», содержащие предсказания событий вплоть до 3797 года. Популярность предсказаний Нострадамуса не только не пошла на убыль после его смерти, но, наоборот, продолжает расти с каждым десятилетием, захватывая все более отдаленные от Франции страны.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Мирослав Адамчик

Нострадамус

© Подготовка и оформление. Харвест, 2006

Введение

Имя Мишеля Нострадамуса, врача и мыслителя эпохи Возрождения, окутано тысячами легенд. Причина тому – написанные им «Пророчества», содержащие предсказания событий вплоть до 3797 г. Популярность предсказаний Нострадамуса не только не пошла на убыль после его смерти, но, наоборот, продолжает расти с каждым десятилетием, захватывая все более отдаленные от Франции страны. Его «Центурии» (что в переводе означает «Столетия») переводят на многие языки. Сочинение Нострадамуса, как заметил один из исследователей его творчества, едва ли не единственная книга, кроме Библии, которая в течение 400 лет публиковалась практически непрерывно. За эти 400 лет накопилась и богатая библиотека изданий о Нострадамусе. Первые из них появились еще при жизни предсказателя.

Каждый последующий комментатор книг Нострадамуса, начиная с его современников и вплоть до наших дней, приспособивал его предсказания к своему времени, иногда даже переориентируя большую часть предсказаний соответственно своим личным пристрастиям. А если материалов Нострадамуса не хватало для надобностей комментатора или они были недостаточно ясны, то от имени пророка издавались новые катрены. Так, в 1649 г. во Франции во время Фронды вышло подложное издание «Столетий», в которое были включены катрены, разоблачающие кардинала Мазарини.

Нострадамус: гений или обманщик?

Во время второй мировой войны ведомство Геббельса выпустило массу листовок с подложными пророчествами Нострадамуса, предсказывающими победу «Третьего рейха».

Подобные факты свидетельствуют о том, что популярность Нострадамуса, его авторитет на протяжении веков не ослабевали.

В наше время публикации Нострадамуса и о Нострадамусе продолжают выходить, и спрос на них не только не падает, но даже растет. Ситуация легко объяснима. Легких времен, откровенно говоря, никогда не было. Вопрос «что сулит будущее» во все века волновал человечество, а в нынешние тревожные и смутные времена стоит как никогда остро.

Перестроечный расцвет демократии и гласности, а также тяжелые времена, переживаемые нашей страной, неуверенность в завтрашнем дне вызвали бурный всплеск интереса к предсказаниям Нострадамуса, до последнего времени замалчивавшимся официальной прессой. Нострадамус, с его явно отрицательным отношением к коммунизму и безбожию, оказался очень неудобной фигурой для прежнего советского режима. Имя его тщательно вымарывалось из публикаций.

Во многом такое отношение к пророку связано со злосчастными 73 годами и 7 месяцами – сроком, который Нострадамус отвел советской власти в нашей стране.

Судить о том, действительно ли скрыта будущая судьба человечества в катренах Нострадамуса, читатель сможет, лишь изучив его жизненный путь и творчество.

Кем был Мишель Нострадамус?

Нострадамус – это латинский вариант фамилии Мишеля де Нотрдама, родившегося 23 декабря 1503 г. в маленьком городке Сен-Реми на юге Франции в еврейской семье нотариуса. Дед Мишеля по матери Жан де Сен-Реми был известным врачом. В течение многих лет он служил лейб-медиком одного из крупнейших феодалов Франции Рене Доброго. Дед Мишеля по отцу Пьер де Нотрдам тоже преуспел на медицинском поприще. Он стал лейб-медиком сына Рене Доброго, Жана. Но после смерти последнего (герцога отравили недруги) Пьер де Нотрдам, как и Жан Сен-Реми, стал лейб-медиком Рене Доброго. Двое врачей на одном посту не стали соперничать, как этого можно было ожидать, а, наоборот, крепко сдружились, а после смерти Рене Доброго решили поселиться в одном городе и впоследствии поженить своих детей. Именно так все и вышло.

Свою фамилию Нострадамус унаследовал от отца – нотариуса Жака, который так был окрещен при переходе из еврейства в христианство, несколько лет спустя после рождения Мишеля. Его семья со стороны отца и матери состояла из ученых, уважаемых властью и имущими и любимых народом.

Мишель вырос в большой семье, опекаемый как родителями, так и обоими дедами, каждый из которых стремился передать внуку свои знания. Дед Жан учил его началам математики, латыни, греческому и древнееврейскому языкам. Он же познакомил его с основами астрологии – науки, к которой в то время все (или почти все) относились с полной серьезностью. Затем родители послали сына учиться в Авиньон – город, ставший центром гуманитарной учености. Рассказывают, что Мишель своею понятливостью приводил учителей в восторг, его память была настолько точна и быстра, что он цитировал наизусть целые главы, после первого же прочтения.

Закончив обучение в Авиньоне, 19-летний Мишель в 1522 г. поступает в университет Монпелье, один из наиболее знаменитых медицинских центров Европы. В 1525 г. он получает степень бакалавра и вместе с ней – право на самостоятельную медицинскую практику.

В этом году, когда Нострадамус был 22-летним студентом-медиком, печальные события в Провансе дали ему возможность доказать свою преданность людям и науке. Как раз в этом году в Южной Франции разразилась эпидемия чумы. Чума же в те времена была страшным бичом. Люди, заразившиеся этой болезнью, отказывались от всякой надежды на выздоровление, сами шили себе белый саван и как бы при жизни присутствовали на своих собственных похоронах. Это первое испытание на посту врача Мишель прошел успешно. Он не только проявил незаурядную способность, исполняя свой долг, но уже тогда стал выделяться среди прочих врачей применением необычных для медицины того времени средств лечения. Вместо кровопусканий и клистиров по любому поводу, которые применялись веками, он обращается к средствам «народной медицины», прежде всего – лекарственным травам, из которых он готовил пилюли.

Мишель Нострадамус (1503–1566)

Не желая подолгу оставаться на одном месте, Нострадамус странствует. Сперва он лечит больных в Провансе. Путешествие его превратилось в настоящий триумф. Спасенные им больные встречали Нострадамуса у ворот своих домов. Молодые люди и девушки шли впереди него и разбрасывали на его пути цветы. Знатные люди посещаемых им местностей наперебой приглашали его остановиться в их доме и провести некоторое время в их семье. По словам провансальских хроник, никакой король, принц или граф не был лучше встречен крестьянами юга Франции.

Алхимические процессы и результаты опытов зачастую представлялись в литературе в аллегорической форме как священный союз или брак

Затем Нострадамус едет в Нарбон, где посещает лекции алхимиков (в то время медициной и алхимией занимались одни и те же люди). Потом направляется в Каркасон, оттуда – в Тулузу, из Тулузы – в Бордо, где свирепствовала особо заразная форма чумы, из Бордо – снова в Авиньон. Здесь он работает в богатейшей папской библиотеке над трудами по оккультным наукам и магии и в то же время продолжает углублять свои познания в фармацевтике. Одинаковое внимание к естественным и мистическим наукам было вообще характерно для ученых эпохи Возрождения, особенно в его последней, самой блестящей и одновременно самой трагической стадии – в XVI в., когда надежды на торжество человеческого разума постепенно развеиваются, а авторитет всего сверхъестественного возрастает.

В 1529 г. Нострадамус защищает в университете Монпелье докторскую диссертацию и получает место на факультете. Но его взгляды на медицину, очевидно, расходились с традиционными, поэтому пробыл он здесь недолго.

И снова Нострадамус странствует по югу Франции, укрепляя свой авторитет врача. А затем по приглашению Жюля Цезаря Скалигера – выдающегося гуманиста, уступающего в то время известностью только Эразму Роттердамскому, – Нострадамус переехал в город Ажен. Здесь он женился, у него родились сын и дочь. Но три года спустя эпидемия неизвестной болезни

унесла жену и детей. Это сразу подорвало авторитет Нострадамуса у пациентов: врач, спасший столько жизней, не смог сберечь своих близких. А тут еще официальный приказ явиться к инквизитору Тулузы держать ответ за вольнодумные речи.

Нужда в секретности часто вела к неясности смысла, спрятанного в сложностях представления алхимической литературы. Представленное здесь – союз огня и воды

Не желая иметь дела с инквизицией, Нострадамус предпочел уклониться от этого визита. Он покидает не только Ажен, но вообще территорию Французского королевства. Шесть лет он странствует по Лотарингии, Нидерландам и Италии (от Венеции до Сицилии) и только в 1544 г. возвращается в Марсель, где в это время разразилась новая вспышка чумы.

В 1546 г. его приглашают в столицу Прованса Экс (Aix), где эпидемия приняла особенно грозные размеры. Местные власти и верхушка общества бежали из города, лавки закрылись, улицы поросли сорной травой. Паника в Эксе достигла такого размаха, что, по свидетельству очевидца, «люди заворачивались в две простыни и устраивали себе похороны при жизни (неслыханная вещь!)». Комитет города Экс единодушно пригласил Нострадамуса на борьбу с эпидемией.

По прибытии в город Нострадамус стал применять здесь свои знаменитые пилюли. «Все, кто пользовались ими, – писал он впоследствии, – спаслись, и наоборот.» Описанию дезинфицирующего порошка, из которого он составлял пилюли, Нострадамус посвятил несколько глав в одной из своих медицинских книг. Посмертное лионское издание этой книги от 1572 г. хранится в парижской библиотеке св. Женевьевы под литерами 8 T 67 Res. 2312 и имеет заглавие: «Превосходная и очень полезная брошюра о многих отменных рецептах, разделенная на две части. Первая часть нас учит способу готовить разную помаду и духи для украшения лица. Вторая часть нас учит приготавливать варенья различных сортов из меда, сахара и вина. Составлена магистром Мишелем Нострадамусом – доктором медицины из Салона в Провансе. Лион

1572 г.».

Представление астрономии XVI века, объединяющей научное исследование с эзотерическим знанием

Очевидно, без части, трактующей о практическом способе приготовления варенья, медицинская книга XVI века не расходилась, даже если она была написана Нострадамусом. Оглавление знакомит нас с содержанием книги. Вот некоторые выписки: «Как приготовить порошок, вычистить и отбелить зубы... а также способ придать дыханию приятный запах. Другой способ, еще более совершенный, для очищения зубов, даже тех, которые сильно попорчены гнилью... Способ приготовить род мыла, делающего белыми и мягкими руки и обладающего сладким и вкусным запахом... Способ приготовить род дистиллированной воды, чтобы наилучшим образом украсить и отбелить лицо... Другой способ, чтобы сделать волосы бороды белокурыми или цвета золота, а также чтобы уничтожить слишком большую полноту тела».

Ученый Джордано Бруно, живший в XVI веке, настолько разозлил власти отстаиванием теории Коперника, что был отдан ими в руки инквизиции, которая сожгла его на костре

Для того чтобы правильно понять те гигиенические заботы, которые описывает Нострадамус в упомянутой книге, следует вспомнить, что, например, в руководстве учтивости, изданном 200 лет спустя (*Manuel de civilité*. 1782), формально запрещается пользоваться водой для умывания, «ибо это делает лицо зимою более чувствительным к холоду, а летом к жаре».

О народной гигиене XVI века можно судить по тому, что даже король Людовик XIV страдал бессонницей из-за клопов. Лувр представлял собою отвратительное зрелище; посетители отправляли свои естественные надобности повсюду: во

дворе, на лестницах, на балконах, за всякой дверью. Все это делалось на виду у всех и без всякого стеснения. Нечистоты, выбрасывавшиеся из окон домов, оставляли на стенах и карнизах грязные и отвратительные следы.

За вклад Нострадамуса в борьбу с эпидемией чумы парламент Прованса наградил его пожизненной пенсией. Имея, таким образом, хотя и скромную, но гарантированную материальную базу, Нострадамус в 1547 г. обосновался в маленьком провинциальном городке Салоне, где вторично женился. Дом Нострадамуса в Салоне, на улице, носящей сегодня его имя, сохранился до сих пор.

В Салоне Нострадамус по-прежнему занимается медицинской практикой. Интересуется он и оздоровлением климата, и мелиорацией края. В 1554–1559 гг. по его инициативе был построен канал, оросивший засушливую местность близ Салона. Водой из этого канала до сих пор пользуются жители 18 деревень.

Со временем доктор Нострадамус все более погружается в оккультные науки. Он был глубоко убежден, что именно ему предназначено «научным» путем открыть завесу, скрывающую будущее человечества. Нострадамус учитывал огромный интерес к астрологии в самых различных слоях общества. В то время каждый уважающий себя король и феодал держал при себе придворного астролога. Но астрологией интересовались также и рядовые дворяне, и представители третьего сословия. Массовыми тиражами ежегодно выходили десятки альманахов. В 1550 г. Нострадамус выпустил свой первый астрологический альманах с ежемесячными предсказаниями и продолжал выпускать их ежегодно. Однако это не принесло ему ни громкой славы, ни значительных доходов.

Воззрения Коперника на Зодиак и небеса

В 1545 г. Нострадамус составляет первый текст предсказаний в рукописной форме, состоящий из 86 листков и озаглавленный «Интерпретация иероглифов Горополло». Текст найден в Париже в Национальной библиотеке Пьером Ролле в 1966 г. Это единственный известный текст предсказаний, написанный рукой Мишеля Нострадамуса. Он посвящен принцессе Наваррской Жанне д'Альбер –

матери будущего короля Генриха IV.

Интерпретация Нострадамуса изобилует сведениями из области астрологии, алхимии, эзотеризма.

Можно предположить, что автор «Центурий», которые появятся лишь десять лет спустя, вдохновлялся этим текстом при выработке методологии своих пророчеств.

Следующий труд – «Трактат о притираниях и вареньях» – датирован 1 апреля 1552 г.

В первой его части описываются «различные виды притираний и благовоний для украшения лица». Вторая часть учит «готовить варенья из различных сортов».

В этом трактате при внимательном прочтении встречаются фразы, в которых заключены намеки на эзотерические, т. е. магические, тайны. Например, в 30 главе есть такие слова: «Credis sum Pythio vera magis tripode» («Я верю, что я – настоящая Пифия с магическим треножником»). Упоминание магического треножника доказывает, что Нострадамус исполнял магические обряды, известные испокон веков египтянам и евреям. Вместе с тем установлено, что Нострадамус признавал недопустимыми магические действия, запрещенные Священным писанием. Напрашивается вывод, что в средние века различали магию допустимую (к ней относили даже естественные науки) и недопустимую (союз с демоническими силами).

В 1555 г. Нострадамус публикует первую часть серии пророчеств, семь из которых он издал в 1555 г. в городе Лионе под заглавием: «Les Propheties de M. Michel Nostradamus». На обложке этого издания указано, что книга закончена печатанием 3 мая 1555 г. В полном виде книга состояла из десяти глав – «Столетий» («Центурий»), в каждую из которых входило 100 четверостиший-предсказаний. В них своего рода заявка на исчерпывающую картину будущей истории. Успех этих пророчеств был необыкновенен. Всякий стремился прочитать их, так как Нострадамус уже при жизни доказал свой пророческий дар.

В предисловии к книге пророчеств, адресованном к своему малолетнему сыну Цезарю, Нострадамус писал:

«Уже с давнего времени и многократно я предсказывал задолго до событий то, что впоследствии сбывалось... Я желал замолчать и не писать вовсе нижеследующее по причине несправедливостей и оскорблений не только настоящего времени, но и большей части будущих времен, а также потому, что правители, секты и правительства потерпят такие резкие и противоречивые изменения, т. е. изменения, противоречащие понятиям о чести и даже совершенно ей противоположные, что если бы я открыл то, что должно произойти в будущем, то все те, которые в настоящее время являются представителями правительства, сект, религий и вер, нашли бы все это столь мало согласным с их мелкими представлениями, что они прокляли бы то, что будущие века узнают, увидят и оценят... Все это было причиной, почему я скрыл свой язык от черни и перо от бумаги, но потом я решился сделать сообщения в темных и загадочных выражениях о некоторых будущих, даже весьма близких событиях, но, чтобы не скандализировать мелкие самолюбия, я писал тем более туманно, чем более пророческим я считал то, что хотел сказать... Пророки через вечного Бога и добрых ангелов получили дар предвидения, при помощи которого они замечают далекие вещи и имеют возможность предвидеть будущие события... Ибо тайны Бога непонятного... проясняют причины, которые не могут сами по себе достичь ясности, ни с помощью человеческих догадок, ни другими способами познания или какой-либо оккультной добродетели, даже заключенной в небесном своде, но из самого факта абсолютной вечности, включающей в себе все времена... Познание, как результат интеллектуального творчества, не может видеть оккультное...».

Сообщив нам таким образом, что пророческие способности являются даром «Вечного Бога», Нострадамус старается теоретически объяснить возможность пророческого предвидения идеей вечности, которая не ведает деления времени на прошедшее, настоящее и будущее, как и не знает конца и начала в пространстве.

Человек, награжденный Божьим даром пророчества, выходит из обычных границ времени и пространства в беспредельную вечность, чтобы, возвратившись в сферу временного и пространственного, сообщить братьям во плоти о своих видениях, истину которых остальному человечеству дано только познать в более близком или далеком будущем. В дальнейшем Нострадамус переходит к вещанию будущего, смысл которого раскрыла нам история, протекшая со времени опубликования его книги.

«Я составил, – говорит он, – пророческие книги, содержащие каждая по сто четверостиший астрономических (комментаторы читают: математически точных) пророчеств, смысл которых я сознательно заклепал и которые доведены до 3797-го года... Ибо согласно небесным знакам... мир приближается к анарагонической (комментаторы читают: анаксагорической – от философа Анаксагора, т. е. огневой, разрушительной и все изменяющей) революции... и согласно явному суду неба, когда мы еще будем в седьмом числе тысячи, которая завершит все, приближаясь к восьмому... тогда великий и вечный Бог завершит революцию».

В предисловии ко второму изданию автор «Пророчеств» говорит:

«Если бы я хотел прибавить к каждому четверостишию точное время, когда событие должно совершиться, я в состоянии был бы это сделать, но это далеко не всем было бы приятно!».

Поскольку предсказания изложены, как и обещано Нострадамусом, «в темных и загадочных выражениях», спор о том, осуществились ли они в полной мере, идет не утихая уже не одно столетие.

После издания книги со всех концов Прованса и остальной Франции, а также из заграницы в Салон начали стекаться люди, в надежде получить советы от Нострадамуса в сложных вопросах судьбы. Тогдашний французский король Генрих II и его жена Екатерина Медичи, слышавшие много похвального о пророческом даре врача из Салона, написали губернатору Прованса графу Клоду Савойскому письмо, в котором просили его уговорить Нострадамуса приехать в Париж. По приезду в столицу автор «Пророчеств» был принят очень милостиво, и ему были оказаны большие почести. Ободренный этим приемом, Нострадамус опубликовал в 1558 г. – за восемь лет до смерти своей – новое издание своих пророческих четверостиший, прибавив к ним 300 новых стихов. В нем предсказатель поместил послание к королю Генриху II, в котором объяснял «методику» предсказательной работы: «Большинство предсказаний составлено и согласовано с астрономическими вычислениями соответственно годам, месяцам, неделям областей, стран и большинства городов всей Европы, включая Африку и часть Азии... Хотя мои расчеты могут не оказаться правильными для всех народов, они, однако, определены небесными движениями в сочетании с вдохновением, унаследованным мной от моих предков, которое находит на меня в определенные часы...».

Екатерина Медичи и Нострадамус. Королева столь сильно интересовалась астрологией, что не замедлила пригласить его ко двору

Астрологические вычисления для Нострадамуса не были единственным методом предсказания будущего. Наиболее конкретные и выразительные детали он видел как бы духовным взором. Речь, вероятно, идет о галлюцинациях, которые для него, человека XVI в., безусловно, имели силу реальности.

Предсказание Нострадамусом судьбы Генриха II оказалось достаточно точным

Издание второй части «Столетий», как и первой, не принесло успеха Нострадамусу. Генрих II никак не реагировал на послание. Однако его смерть, наступившая год спустя после опубликования последнего издания, придала Нострадамусу новый ореол, а его книге – новую цену, так как нельзя было не обратить внимания на катрен I, 35:

Молодой лев одержит верх над старым. На ратном поле в одиночном поединке, Он выколет ему глаза в золотой клетке. Два ранения в один момент, затем он умирает жестокой смертью.

Накануне 1 июля 1559 г. в день двойной свадьбы – дочери короля Елизаветы и его сестры Маргариты – тогдашний король Франции Генрих II (1547–1559) оповестил трубными звуками всех жителей Парижа, что в честь обеих невест произойдет рыцарский турнир в предместье Св. Антуана около Бастилии. Король на этом турнире весь день ломал копья. Ко времени заката солнца князь Савойский – жених, ставший в этот день мужем сестры короля, – просил Генриха II прекратить поединки. Несмотря на эти советы, Генрих II пригласил графа Монгомери помериться с ним силами. Молодой граф, после неоднократных

отказов, принял наконец вызов и, напав на короля, нанес ему такой сильный удар по голове, что копье сломалось и древко, попав в глазное отверстие шлема, выкололо правый глаз короля. Генрих II, жестоко страдая, умер на десятый день.

Епископ Троя, который во время поединка находился в Париже, свидетельствует в одном письме, что Генрих II и граф Монгомери были переодеты львами и что рана, вследствие разрыва некоторых вен, имела последствием кровоизлияние в мозг, что объясняет слова Нострадамуса «два ранения в один момент, затем он умирает жестокой смертью».

Событие это произвело столь сильное впечатление, что начали поговаривать о Нострадамусе как о маге и волшебнике. Чернь в неистовстве даже сожгла чучело Нострадамуса.

Анализируя сегодня это четверостишие, мы вынуждены сделать заключение, что Нострадамус знал больше, чем он сказал, так как иначе он не мог бы выразиться с такой прозрачной ясностью, чтобы народ без труда узнал обстоятельства и героев печального пророчества. То, что Нострадамус не предупредил дружественно к нему относившегося Генриха II о грядущей ему опасности, заставляет нас предполагать, что он, вероятно, считал содержание своих пророчеств неотвратимо-роковыми.

Тем не менее с этого момента интерес к предсказаниям врача из Салона стремительно растет, его катрены становятся не только предметом пересудов придворных и горожан, но и темой политических донесений послов, аккредитованных при французском дворе. Популярность начала приносить Нострадамусу первые плоды. В декабре 1561 г. он был приглашен ко двору герцога Савойского в Ниццу для составления гороскопа новорожденного наследника Карла – Эммануила.

В начале 1562 г. к Нострадамусу обратилось руководство кафедрального собора в городе Оранж, неподалеку от Салона. Кто-то украл драгоценную церковную утварь, и каноники были убеждены, что для такого великого пророка и ясновидца, как Нострадамус, установить личность вора – пара пустяков. Вскоре пророк из Салона действительно прислал им ответ с приложением чертежа гороскопа, составленного по этому случаю. Гороскоп гласил, что кража совершена в результате попустительства двух братьев по церкви.

К чертежу прилагалось письмо: «Преподобным сеньорам, господам каноникам кафедрального собора древнейшего города Оранжа.

Преподобные сеньоры, по поводу вашего запроса об указанных и перечисленных вами кощунственных кражах, относительно кражи и клада, укрытого, но не спрятанного.

Согласно астрономическому чертежу, помещенному выше, вы можете ясно видеть, что кража священных предметов была совершена в результате попустительства двух ваших братьев по церкви, именно тех, которые раньше неоднократно высказывали мнение о том, что случилось с вашим серебром. Один из них предположил, что оно было увезено в Авиньон, другой – что оно попало в какое-то другое место. Оба считали, что оно уже продано, ибо таково и было их намерение.

Добычу имелось в виду разделить среди каноников, которые сейчас подобны солдатам.

Это мнение не было добрым и благочестивым. Некоторые не согласились с ним, хотя другие были довольны, но в конце и они не были согласны в том или ином пункте. Но все остановилось, когда серебро было перенесено в дом одного из ваших людей и заперто там. А это было не по душе кое-кому. Одно из мнений было – надо перетопить серебро в бруски и продать его, сложив его покамест в доме одного из них.

Затем двое или трое заявили, что это невозможно в течение долгого времени, ибо римская католическая церковь будет вовлечена в самые жуткие события. Итак, оно (серебро) было заперто, хотя двое из них остались при том мнении, что его следует переплавить в бруски и продать, сложив его временно в доме одного из них. Их было только трое, и они – братья Церкви, и они похитили то, что безупречно, намереваясь украсть все, не без сговора с хранителем, ибо вы доверили овец волку. Так же как Иисус Христос на некоторое время доверил свое стадо грабительству своей Церкви, выступающей под маской веры и честности, так и вы доверили свое серебро, освященное и посвященное священному украшению вашего храма, дарованное некогда королями и правителями земли, как истинными хранителями веры и религии.

Но имейте в виду, достопочтенные сеньоры, что на тех из вас, кто знает, когда кража священных предметов была совершена, если они не будут возвращены полностью, и не в руки тех, кому они были доверены, но возвращены непосредственно в храм, на них, этих людей, обрушатся величайшие несчастья, какие когда-либо случались с человеком, и на них, и на их семьи. И более того, к вашему городу подойдет чума и распространится среди его стен, поэтому пусть они не противятся.

Commiltones quornodo dii pro-picii sint sacerdotes (Священники подобны товарищам благосклонных богов), но увидят, как Бог мстит тем, кто осквернил его святой храм и украл то, что в древние времена пожертвовали верующие.

Поэтому прочтите это мое письмо в собрании всех ваших людей (но не открывайте его, пока все не соберутся), и тогда тут же лица тех, кто замешан в этом деле, выразят великий стыд и конфуз, ибо они не смогут скрыть этих чувств.

Храните же это мое письмо как полное свидетельство истины (будущее это покажет), и заверяю вас, достопочтенные сеньоры, что, если украденное не будет возвращено тем или иным путем, они умрут самой жалкой и самой мучительной, медленной смертью, с такими страданиями, которых никому не приходилось еще переносить, если не будет возвращено и помещено в прежнее хранилище, и вы увидите, что именно так и произойдет.

Я огорчен, что овечка была доверена волку, и, исходя из этого, я составил свое послание.

То, что я написал вам, соответствует астрономическим расчетам, но я заявляю, не желая оскорбить никого на свете, что *humanus sum possum erra-re falli et decipi* (я человек и могу ошибаться, быть неправым и обмануться). Однако если есть в вашем городе кто-нибудь знакомый с астрономическим учением, пусть ознакомится с представленным мной чертежом, и, если он понимает в этом деле, он увидит, что я говорю чистую правду.

Не сомневайтесь, сеньоры, вскоре все будет найдено. А если этого не случится, будьте уверены, что горькая судьба ждет тех, кто совершил это чудовищное преступление.

Большого я вам сейчас не могу сообщить. Бог хранит вас и вернет вас в прежнее положение. Хотя некоторые будут недовольны, те, которые не захотят оказаться в компании таких же, как они.

Да хранит вас Бог от зла. Из Салона, 4 февраля 1562 г.».

К сожалению, до нас не дошло никаких известий о том, как реагировали на это письмо каноники и отыскалось ли наконец церковное серебро. Но представление о практическом применении пророческого дара Нострадамуса этот документ дает.

Известность Нострадамуса достигла своего пика за два года до его смерти – в 1564 г., когда он предсказал малолетнему Генриху Наваррскому, что тот станет королем, пережив трех здравствовавших в 1564 г. сыновей Екатерины Медичи и их потенциальное потомство. Путешествовавший по Провансу король Карл IX посетил город Салон, где уже с давних пор жил Нострадамус. Местная знать встретила короля у ворот города, но Карл IX в ответ на приветствия лаконически сказал: «Я прибыл в Прованс только для того, чтобы увидеть Нострадамуса». Народ сразу изменил свое мнение о пророке, и люди, разговаривавшие с Нострадамусом, часто становились на колени. Его имя вспоминалось во время публичных молитв, а когда Нострадамус входил в церковь, люди вставали и почтительно кланялись ему, следуя примеру уважения к Нострадамусу, преподанному народу королем Карлом IX. И не мудрено – предсказание это в точности сбылось, несмотря на крайне малую вероятность его осуществления, и король Генрих IV впоследствии не раз вспоминал встречу с Нострадамусом и его пророчество.

К этому же времени относятся стихи известного поэта Ронсара (1524–1585), которого в те времена называли принцем французских поэтов. Он высоко ценил Нострадамуса и в своей любви и уважении к нему называл его «Богом избранным пророком». В одном из своих стихотворений он упрекает Францию за ее неуважение к Нострадамусу и старается показать, какой высокий дар она в нем презирает.

Протестант Генрих Наваррский осуществил свои притязания на французский престол, преодолев значительные трудности

После посещения королевским двором Салона Нострадамус прожил еще около двух лет. Он умер 2 июля 1566 г. от последствий подагры. Похоронен в церкви францисканского монастыря. На мраморной плите над его могилой высечена надпись: «Здесь покоятся кости знаменитого Мишеля Нострадамуса, единственного из всех смертных, который оказался достоин запечатлеть своим почти божественным пером, благодаря влиянию звезд, будущие события всего мира».

Нострадамус был невысокого роста и обладал крепким телосложением. До последнего года жизни щеки его сохраняли румянец. У него был большой и открытый лоб, прямой и ровный нос, серые глаза, мягкий взгляд, загоравшийся пламенем, когда он сердился. Со строгого лица его не сходила улыбка. Несмотря на старость, Нострадамус до последнего дня жизни был полон энергии, много смеялся, едко шутил, любил и хвалил свободную искренность выражений. У него была развита чувствительность, имел он тонкое суждение и удивительную память. По характеру Нострадамус был задумчивым и неразговорчивым, но, когда того требовало время и место, умел прекрасно говорить. Быстрый и живой в движениях, он был наблюдателен и терпелив в работе, но склонен к гневу. Спал он не больше 4–5 часов, охотно постился, давал милостыню, молился. Он вел жизнь, достойную христианина, и был милосерден к больным, не имевшим возможность отблагодарить его за врачебную помощь. Выходя из дому, он почти всегда надевал докторский берет и плащ.

Нострадамус был противником реформации и призывал католиков объединиться против лютеран.

Свой пророческий дар Нострадамус мог проявить при разных обстоятельствах, как об этом свидетельствуют рассказы современников. Приехав однажды в Барле-Дюк, Нострадамус остановился у неких де Флоренваль в их замке Фэн, куда он был приглашен как врач к бабушке названного господина. Проходя однажды в обществе Нострадамуса по скотному двору своего замка, господин де Флоренваль, много слышавший о пророческом даре своего спутника, спросил его забавы ради, что станет с двумя поросятами, черным и белым, попавшимися им по дороге. Нострадамус тотчас ответил: «Мы съедим черного, а волк съест белого». Флоренваль, желая уличить во лжи Нострадамуса, тайно приказал

повару нарезать белого поросенка и подать его к ужину. Повар исполнил приказание и, нарезав поросенка, воткнул его на вертел, чтобы зажарить, лишь только придет время ужина. В то время как повар должен был выйти из кухни, туда вбежал прирученный волчонок и полакомился приготовленным к ужину белым поросенком. Возвратившийся на кухню повар испугался последствий своего недосмотра и нарезал черного поросенка, которого и подал к ужину. Флоренваль, не зная о происшедшей подмене, ехидно торжествуя, сказал за столом, обращаясь к Нострадамусу:

– Итак, месье, мы в этот момент едим белого поросенка, а волк и не нюхал его.

– Я не верю этому, – заявил Нострадамус, – на столе находится черный поросенок.

Призванный для объяснения повар должен был признаться, к удивлению и смеху всех присутствовавших, в происшедшей замене белого поросенка черным.

В тех же самых местах Нострадамус многих предупреждал, о том, что в горах, прилегающих к замку, спрятан клад: «Его не откроют, – говорил он, – если будут искать нарочно, но клад найдется, когда землю взруют по другому поводу».

О последних днях его жизни рассказывает нам друг Нострадамуса доктор правде Шавиньи Бонуа, бывший в 1548 г. мэром города Баун. «То, что время его перехода в другой мир ему было известно, даже день и час, об этом я могу свидетельствовать с полной уверенностью. Я очень хорошо помню, что в конце июня рокового для него года, он собственными руками написал на эфемеридах (календарь) Жанна Стадиуса следующие латинские слова: *hie prope mors est*, т. е. здесь приближается смерть. А в тот день, когда он сменил эту жизнь на другую, я находился около него в течение многих часов, и, когда я поздно с ним распрощался до следующего утра, он мне сказал: “Вы меня не увидите в живых при восходе солнца”...

Следуя примеру Карла IX, Людовик XIII в 1622 г., Людовик XIV в 1660 г. посетили могилу Нострадамуса, этим самым как бы официально возведя его в ранг национального французского пророка. Посещение Людовиком XIV в 1660 г. могилы Нострадамуса имело место через 11 лет после английской революции и казни английского короля, происшедшей 8 февраля 1649 года, что как нельзя яснее было предсказано в 49 катрене IX центурии «Пророчеств», т. е. за 90 лет

до этого события. В этом четверостишии имеется следующая строка:

Сенат Кондона осудит к смерти своего Государя.

После всего сказанного вполне понятно, что с каждым десятилетием слава Нострадамуса все больше росла. Говорят, что Ньютон пытался найти ключ к датам его предсказаний, ибо Нострадамус доказал несколькими примерами, что он в 1555 г. умел точно называть года событий, происшедших 200–250 лет спустя. Интерес англичан к предсказаниям Нострадамуса был настолько велик, что в 1672 г. вышел английский перевод книги «Пророчеств». После смерти Паскаля среди его бумаг нашли экземпляр книги Нострадамуса. В библиотеке наполеоновского законодательного учреждения – Трибуната – находились два великолепных экземпляра «Пророчеств», один из них – с гравированным портретом улыбающегося Нострадамуса. Вероятно, и Наполеон заглядывал в эту книгу, в которой находятся предсказания об его удивительной судьбе.

А может, и правда, что будущая судьба человечества скрыта в катренах Нострадамуса? Давайте обратимся к наиболее известным предсказаниям, которые нострадамоведы считают уже сбывшимися, и выясним, насколько обоснованны такие утверждения, а также какую долю в общей массе предсказаний составляют те, которые можно назвать удачными.

Как и следовало ожидать, большая часть предсказаний Нострадамуса посвящена его родине – Франции. Поклонники великого пророка отыскивали в его катренах всех видных людей Франции XVI–XX вв.: королей – от Генриха II до Генриха V (не царствовавшего), обоих императоров – Наполеона I и Наполеона III (последний проходил под псевдонимом «царственный племянник»), Пастера, де Голля и многих других.

Исаак Ньютон был твердо уверен в алхимических принципах

Давайте обратимся к наиболее ясным по содержанию четверостишиям Нострадамуса и посмотрим, можно ли их расценивать как провидение истории человечества за последние четыре с половиной века. Рассмотрим сначала предсказания, относящиеся к истории отдельных стран, а затем предсказания общего характера, касающиеся всей планеты. Начнем с истории Франции.

Сбывшиеся предсказания Нострадамуса

Франция

Генрих II (1547-1559)

Правление Генриха II началось за 8 лет до выхода в свет первой части «Столетий», поэтому сбывшимися могут считаться только те предсказания, которые относятся к последним четырем годам его правления. Предсказания конкретных событий этого периода по хронологии комментаторов начинаются с катрена II, 38:

Обреченных будет великое количество,

Когда государи замирятся,

Но один из них будет действовать так безуспешно,

Что они не смогут надолго сплотиться.

Это предсказание относят к перемирию в Воселе, заключенному между Генрихом II и Филиппом II 5 февраля 1556 г. Прекращение вражды между Валуа и Габсбургами обычно влекло за собой усиление гонений на протестантов во Франции. Так было и на этот раз. Но перемирие, заключенное на 5 лет, действительно оказалось недолговечным. Уже в июле 1556 г. оно было нарушено, и военные действия возобновились.

Примерно к этому же периоду относят катрен II, 43:

Во время возникновения хвостатой звезды

Ври славных принца станут врагами.

Сокрушенные с неба, мир, земля трясутся,

По, Тибр разольются, на сушу выкинет змею.

Яркая комета появилась над Францией 1 марта 1556 г. и была видна в течение трех месяцев. Вскоре после этого, в июле, началась война между Филиппом II, с одной стороны, и Папой Павлом IV и Генрихом II – с другой (война «трех монархов»). 14 сентября 1557 г. Павел IV и Филипп II заключили между собой мир. На следующий день случился большой разлив Тибра.

Сбывшимся можно также считать относящееся к царствованию Генриха II предсказание III, 4:

Когда подступят недостатки лунных,

Одного от иного не слишком будет отличать

Стужа, сушь, угрозы у границ,

Даже [там], где взял свое начало оракул.

Один из комментаторов считает, что здесь идет речь о годе, в котором солнечное и лунное затмения разделены небольшим временным интервалом. В 1556 г. солнечное затмение приходилось на 1 ноября, а лунное – на 16 ноября. В этом году с апреля по август не выпадали дожди, а в декабре началась чрезвычайно холодная зима («стужа, сушь»). Испанцы в этом году вторглись через северо-восточную границу Франции в Пикардию («угрозы у границ»).

Франциск II (1559–1560)

Четверостишие, в котором речь идет о матери короля Франциска II Екатерине Медичи (VI, 63), произвело сильное впечатление на современников:

Женщина останется одна на царстве,

Ее единственный сын зачахнет на почетном ложе,

Семь лет она его станет оплакивать,

После долго будет властвовать, вечно ей будет сопутствовать фортуна.

С точки зрения современного читателя, Варфоломеевская ночь и другие деяния Екатерины Медичи вряд ли могут быть названы «великими часами правления», но Мишель Нострадамус был правоверным католиком, протестанты в его глазах были детьми Сатаны, еретиками, а Екатерина – великой королевой. Тот, кто «зачахнет на почетном ложе», – это Генрих II, муж Екатерины, умерший в 1559 г. Траур по нем вдовствующая королева носила до 1566 г. Умерла же она в преклонном по тем временам возрасте – 70 лет.

Когда 17 ноября 1560 г. новый король Франциск II, болезненный юноша неполных 18 лет, заболел лихорадкой, уже 20 ноября венецианский посол Микель Суриано доносил дожу: «Все придворные вспоминают 39-й катрен X

“Столетия” Нострадамуса и обсуждают его втихомолку». Этот катрен гласил:

Первый сын вдовы, неудачный брак

Вовсе без детей, два острова в конфликте.

Нет восемнадцати лет, еще несовершеннолетний.

Близ иного более низкого /молодого/ будет гармония.

Позднее комментаторы извлекли из этого четверостишия бездну информации. Франциск II был первым сыном Генриха II. Его жена – шотландская королева Мария Стюарт прожила в браке с ним менее двух лет, и в этом плане их брак можно считать несчастливым. Детей у них не было. Относительно двух островов, находящихся в раздоре, вспомнили, когда Мария Стюарт вступила в борьбу с английской королевой Елизаветой I.

Строчку «нет восемнадцати лет, еще несовершеннолетний» относили ко второму сыну Генриха II королю Карлу IX (1560–1574), который был обручен с принцессой Елизаветой Австрийской в возрасте 11 лет.

Но все эти толкования появятся в будущем. В конце же 1560 г. внимание современников было сосредоточено на смертельной болезни Франциска II. 3 декабря тосканский посол Никколо Торнабуони писал герцогу Козимо Медичи: «Здоровье короля очень неопределенное, и Нострадамус в своих предсказаниях на этот месяц говорит, что королевский дом потеряет двух молодых членов от непредвиденной болезни». И Франциск II действительно умер 5 декабря 1560 г., в том же месяце умер юный граф Рош-сюр-Йон, отпрыск самой младшей ветви королевского дома.

Помимо этих катренов, к царствованию Франциска II относят также и предсказание X, 59:

В Лионе двадцать пять на одном дыхании /разом/,

Пять Тер минских бюргеров ? городских жителей/, Брессанских и Латинских,

Секретно повезут благородного человека в высокой повозке

И будут раскрыты лаем собак.

Комментаторы уже в середине XVI в. стали привязывать этот катрен к неудачной попытке восстания протестантов во главе с принцем Луи Конде в Лионе 5 сентября 1560 г. Собаки, по мнению комментаторов, – это верные католики, разоблачившие протестантских волков.

В катрене VI, 75 упоминается некий «великий кормчий», в котором некоторые современники видят адмирала Колиньи – главного вдохновителя и военного руководителя религиозных войн во Франции на первом этапе:

Великий Кормчий ? Штурман/ будет направлен Государем,

Он покинет флот, дабы добиться более высокого поста,

Но через семь лет его схватят,

Войско дикарей ужаснет Венецию.

Исследователь пророчеств Нострадамуса Анатолий Лепелетье комментирует этот катрен следующим образом: «Гаспар де Колиньи, возведенный в ранг адмирала (великого кормчего) Генрихом II в 1552 г., уйдет в отставку с этого поста в 1559 г. после смерти короля, чтобы встать во главе кальвинистской партии. В 1562 г. кальвинисты провозгласят его своим первым генерал-полковником, а в 1567 г. его мятеж достигнет пика, и он будет главным подстрекателем гражданской войны. Эти события произойдут в то же время, когда Венеция будет страшиться победоносного оружия султана Сулеймана I, который в 1570 г. захватит принадлежащий ей (Венеции) остров Кипр».

Генрих IV (1589–1610)

К отдельным эпизодам царствования Генриха IV, по мнению комментаторов, можно отнести с полдюжины катренов. К началу его правления, безусловно, относят III, 25:

Кто явится в Наваррское царство,

Когда соединятся Сицилия и Неаполь,

В Бигор и Ланды через Фуа тогда явится ?обитатель Лотарингии??,

Направленный тем, кто будет излишне связан с Испанией.

Во время царствования Антуана Бурбона – отца Генриха IV – Неаполь и Сицилия еще не были объединены. Но в 1562 г., когда девятилетний Генрих Бурбон стал королем Наварры и вступил во владения землями, перечисленными в третьей строчке, оба условия, поставленные Нострадамусом в катрене III, 25, были выполнены. Сицилия и Неаполь вновь объединились и больше уже не разделялись.

В катренах I, 19 и I, 89 хотя и довольно туманно, но говорится об испанской агрессии во Франции. Такая агрессия действительно имела место в 1589–1594 гг. Она сильно затруднила борьбу Генриха IV за власть.

К испанской агрессии против Франции в годы правления Генриха IV относят катрен III, 88:

Из Барселоны морем /явится/ великое воинство,

Весь Марсель затрясется от страха.

Острова залиты ?взяты/ морем, подмога недопустима ?закрыта/,

Твой изменник поплывет по миру.

Комментировавший Нострадамуса в конце XVII в. Бальтазар Гюйно считает, что данный катрен предрекает нападение испанцев на Марсель 17 февраля 1596 г. В этот день испанский флот из 12 галер под командованием генуэзского адмирала Карло Дориа захватил лежащие близ Марселя острова Ратонно и Иф (последний широко известен нашим читателям по романам А. Дюма). Таким образом, всякая помощь Марселю с моря была отрезана. В то же время Шарль де Касо, один из консулов, возглавлявших городское управление, попытался сдать город испанцам. Измена была, однако, своевременно раскрыта. Один из защитников Марселя (Пьер Либерта) пронзил де Касо мечом, а народ волочил его тело по канавам, и, таким образом, он «поплыл по земле».

Смерть Генриха IV, по мнению некоторых комментаторов, предсказана в катрене III, И:

Оружием будут биться в летнюю пору ? в длинный сезон/ в небе.

Дерево повалится среди города.

Устный конфликт, меч, разногласие?? в лицо горящий уголь ?,

Тогда упокоится кесарь Адрии.

Упоминавшийся выше Бальтазар Гюйно считает, что в этом четверостишии речь идет об Адриане, мудром римском императоре, с которым современники сравнивали Генриха IV. Как известно, Генрих IV был убит 14 мая 1610 г. религиозным фанатиком. Чтобы подкрепить свое утверждение, что в катрене упоминается именно об этом событии, Гюйно приводит цитату из журнала «Французский Меркурий» за 1619 г. Там сообщается, что накануне убийства Генриха IV в провинции Ангума наблюдалось редкое небесное явление – по небу маршировало призрачное войско численностью 10–12 тыс. человек.

Людовик XIII (1610–1643)

К периоду правления Людовика XIII толкователи «Столетий» относят сравнительно небольшое число катренов.

V, 58:

От акведука Утиценса, Гардуинга /Гардуинг/

Пройдет по непроходимым горам и по лесу,

Посреди переправы будет подбит в руку ?приобретет пятно на кулаке/

Предводитель [людей] с Немана, который будет так скверен.

В этом катрене упоминается знаменитый римский акведук на юге Франции, который шел от Юзеса до Нима. В сентябре 1627 г. в Ниме произошло восстание кальвинистов. Осажденные королевскими войсками жители Нима находились в трудном положении, но кальвинистский вождь герцог Роган поспешил им на помощь и провел свою артиллерию по акведуку в Ним.

К историческим событиям правления Людовика XIII А. Лепелетье относит и четверостишие IX, 18, в котором Нострадамус предсказывает:

Лилию из /Дофине потащит в Нанси

И до самой Фландрии тот, кто пожалован

Правом выбирать Императора.

Сообщение скрыто от великого Монморанси.

С громадным трудом вызволен из известных мест.

Этот катрен А. Лепелетье расшифровывает следующим образом: «Людовик XIII (первый французский король, носивший титул дофина после публикации IX «Столетия») войдет в Нанси в 1633 г. для защиты курфюрста Трира, пленника испанцев. Примерно в то же время (в 1532 г.) великий Монморанси, обвиненный в восстании против своего монарха, будет заключен в тюрьму в Тулузе. Затем его предадут солдату, фамилия которого Клерпэн, и тот обезглавит его во дворе тюрьмы, а не на обычном месте экзекуций».

Фамилию Клерпэн А. Лепелетье «открыл» в двух последних словах катрена IX, 18 – «clere peine» («знатное наказание»). Этой же точки зрения придерживался целый ряд более ранних нострадамоведов.

К правлению Людовика XIII комментаторы относят и предсказание VIII, 68:

Пожилой Кардинал, проданный молодым,

Будет выдворен со своего места и обезврежен:

В Арле увидят двух чудовищ ? В Арле найдут двойника/,

А Ликдут и Принц будут забальзамированы.

По мнению А. Лепелетье, здесь предсказан так называемый «заговор Сен-Марса». Руководителя французской политики старого кардинала Ришелье (57 лет) на некоторое время сменит молодой Сен-Марс (22 года), его бывший протеже, который лишит его милости Людовика XIII. Ришелье подаст в отставку и удалится в Тараскон. Но немного погодя он получит из Арля (город в 15 км от Тараскона) копию договора, заключенного 13 марта 1642 г. Сен-Марсом с Испанией от имени Гастона, брата Людовика XIII, беспокойного принца, который сам хотел усесться на французском троне. Ришелье передаст этот договор

королю, который тотчас призовет его к себе. Загадочное слово «Ликдут» Лепелетье расшифровывает с помощью латинского языка – «ille aqua ductus» – «тот, кого привезут по воде». А значит это то, что Ришелье, тяжело заболевший после всех этих событий, отправится в Париж по воде. Здесь он умрет 4 декабря 1642 г., а полгода спустя, 14 мая 1643 г., умрет и Людовик XIII (принцами на Западе называли не только королевских сыновей, но и всех монархов). Обоих после смерти по старинному обычаю набальзамируют.

Людовик XIV (1643-1715)

К правлению Людовика XIV относят около дюжины катренов. Из этих предсказаний одно можно считать датированным. Этот катрен (X, 100 доп.) является вариантом заключительного катрена «Пророчеств» Нострадамуса и был впервые опубликован в 1605 году:

Когда разветвленный будет поддержан двумя колами

С шестью половинами тел и шестью обнаженными ножницами,

Очень влиятельный Владыка, преемник жаб

Тогда покорит себе всех и весь мир.

Дешифровка двух первых строчек трудности не представляет. Это римская цифра МССССС-СХХХХХ, т. е. 1660. Две последние строчки также довольно ясны: жабы – геральдический знак Меровингов – первой королевской династии Франции. Речь, стало быть, идет о Людовике XIV, правопреемнике Меровингов и всех остальных французских династий, которые правили до Бурбонов. Предсказание, относящееся к нему, – ясное и простое: в 1660 г. он покорит Вселенную.

А. Лепелетье комментирует катрен следующим образом: «...король Людовик возьмет в свои руки бразды правления государством и подчинит все себе». Ведь

достоверно известно, что после смерти кардинала Мазарини Людовик XIV взял в свои руки всю власть во Франции, к тому же он сам про себя говорил: «Государство – это я!».

А. Лепелетье относит к Людовику XIV катрен X, 58:

В злополучное время, когда жестокий король

Будет биться с молодым Эматийцем ? Фессалийцем/ ? Балканцем/,

Будет надсаживать глотку ? выворачивать желудок/

? беспокоить морскую чайку/, подвергать риску лодку,

Убеждать /прельщать/ Фокидян ? Фокеян/

поддержать Запад ? на переговорах на Западе/.

Первые две строчки комментатор относит к самому началу правления Людовика XIV. В 1643 г., когда Франция была в трауре по только что умершему Людовику XIII, а Людовик XIV был еще младенцем, испанский король Филипп IV вероломно воспользовался ситуацией и вторгся во Францию. Третья же строчка предсказывает Гражданскую войну 1648–1653 гг., которая получила название Фронды, и угрозу папской власти (католическая церковь здесь обозначена как лодка) со стороны нового религиозного течения – янсенизма. Последнюю же строчку Лепелетье относит к финальному этапу гражданских войн во Франции при Людовике XIV. 2 марта 1660 г. Людовик XIV через пролом в стене въехал в собственный город Марсель, который наконец сложил перед ним оружие. А переговоры на Западе (точнее было бы сказать – на Юго-Западе) – это переговоры с Испанией на пограничной реке Бидассоа, которые закончились подписанием Пиренейского мирного договора и браком между Людовиком XIV и дочерью испанского короля Марией Терезией Австрийской.

Ко времени Людовика XIV некоторые относят также и катрен I, 95:

Близ монастыря будет найден младенец,

В его жилах – кровь героического древнего монаха,

Авторитет его речи на секту грандиозен,

Молвят, что он высоко поднялся /vopisque? ?.

В 1925 г. Колен де Лямор, ссылаясь на то, что Людовик XIV родился во дворце напротив монастыря, относит это предсказание к нему. Второй близнец, стало быть, – это «человек в железной маске», описанный А. Дюма в романе «Виконт де Бражелон». То, что версии Нострадамуса и А. Дюма совпадают, возможно, доказывает, что загадочный брат-близнец Людовика XIV существовал не только в воображении писателя, но и был исторической личностью.

Есть, правда, одна проблема – как объяснить происхождение близнеца от «крови героического древнего монаха»? Лямор предполагает, что этим монахом мог быть кардинал Мазарини – фаворит королевы-матери. Но тогда «человек в железной маске» – это не родной брат-близнец короля Людовика, а сын Анны Австрийской и Мазарини от их тайного брака, т. е. сводный брат короля. Но и такая версия вполне правдоподобна и доказывает, что данный катрен повествует именно о Людовике XIV.

Людовик XVI (1774–1792) и великая французская революция

Общую характеристику злополучного Людовика XVI, по мнению многих комментаторов, дает катрен X, 43:

Чересчур хорошее время, излишне много царской доброты.

Стремительно и твердо возводит и сокрушает, [сделает] ошибку,

Легко уверует фальшивым наговорам на верную жену,

Предаст ее смерти из-за ее любезности /своего благоволения/.

Людовик XVI действительно был в быту человеком добродушным. Вторая строчка довольно точно отражает вопиющую некомпетентность его как государственного деятеля. Четвертая строчка, с точки зрения правоверного монархиста, – вполне логичное резюме истории Людовика XVI: «Король пострадал за свою излишнюю доброту».

В маленькой книжке друга Нострадамуса Шавиньи Бонуа, изданной через 30 лет после смерти пророка, на заглавной странице была гравюра, изображающая руку, держащую над бушующим морем корону, подвешенную на тонкую нить. Наверху этого рисунка находилась латинская буква «B».

Эта гравюра является иллюстрацией к удивительнейшему из когда-либо дошедших до нас сквозь тысячелетия истории пророчеству, заключающемуся в 44 катрене VII центурии, впервые опубликованном в 1605 г.:

Когда Бур будет крайне любезен («бон»),

Таща на себе знамения правосудия,

Своего рода таща тогда длинное имя,

Из-за бегства незаслуженно будет наказан.

Это четверостишие по цензурным соображениям не вошло во все издания «Пророчеств» Нострадамуса. Его можно было найти в заграничном издании 1650 г., напечатанном в Голландии в городе Лейдене в типографии Леффена. В отделе рукописей при Парижской Национальной библиотеке хранится каталог, составленный библиотекарем Людовика XIV, неким Дюпи, к которому приложен протокол перехода этого каталога, после смерти его составителя, в руки нового библиотекаря. Этот протокол отмечен датой 1657 г. В каталог внесено издание

«Пророчеств» от 1650 г., напечатанное в Лейдене. В других изданиях «Пророчеств» Нострадамус печатал следующий вариант этого катрена:

Вследствие великого спора будет дрожать земля,

Разорвав согласие, подняв голову к небу,

Окровавленный рот будет плавать и крови,

На земле голова, помазанная молоком и медом.

Очевидно, Нострадамус объяснил своему другу содержание этого стихотворения, так как изображение на гравюре после 1789 г. получило свое историческое объяснение и пророческое оправдание. Доказательством тому, что эта гравюра является объяснением к упомянутому пророчеству, доверенному Нострадамусом своему другу, служат комментарии к этому четверостишию, напечатанные в книге, изданной ровно за сто лет до казни короля бывшим губернатором пажей Людовика XVI – неким Гюно. Остроумный, но наивный комментатор не мог предполагать за сто лет до казни Людовика XVI, что то будет коронованная голова, которая скатится в бушующее море революции. Автор же гравюры, отпечатанной на книге Шавиньи, не мог яснее выразить свою мысль по вполне понятным обстоятельствам времени и места опубликования своего рисунка.

«Смысл этого пророчества, – говорит Гюно на пожелтевших страницах многовековой книги, – очень легко понять. Словом «Бур» («Воиг») Нострадамус ни в коем случае не хотел сказать «Bourg» (т. е. город). Причиной такой уверенности является то, что это слово относится к третьей строке:

Своего рода таща тогда длинное имя.

Это говорит, что он будет лицом, происходящим от некоего знаменитого рода, и что его близкие родственники будут носителями знатного в королевстве имени.

Он будет носить имя необыкновенно знатного рода, для начертания имени и титулов которого приходится употреблять почти целый лист бумаги, что заставляет предполагать, что он будет близким родственником выдающегося по своим предкам рода, обладающего еще в это время огромным могуществом и титулами военного или духовного лица. Судьба такого человека покажется в свое время столь удивительной, что не следует удивляться, если Нострадамус нам ее предсказал.»

Так судили об этом четверостишии за сто лет до рокового 21 января 1793 г. (В 1555 г., когда Нострадамус издал свою книгу, во Франции царствовали короли из семьи Валуа. Бурбоны начали царствовать во Франции через 23 года после смерти Нострадамуса, со вступлением на престол Генриха IV в 1589-ом г.). Накануне этого дня к скромному священнику Эджворту, умершему в эмиграции и похороненному 25 мая 1807 г., на католическом кладбище в Митаве (в пределах современной Латвии), явился неизвестный человек и передал ему от имени временного исполнительного комитета письмо, составленное в следующих выражениях:

«Исполнительный комитет, имея сообщить гражданину Эджворту де Фримонту о деле высочайшей важности, приглашает его явиться без малейшего промедления на место заседаний комитета». Неизвестный добавил, что он имеет приказ проводить священника в карете, ожидавшей их на улице.

Приехав в бывший королевский дворец Тюильри, где теперь заседал исполнительный комитет – так в те времена назывался кабинет министров, – священник нашел их всех в сборе. Лица заседавших министров выражали уныние. При появлении Эджворта министры поднялись и поспешно окружили его. Министр юстиции Гара, профессор истории, при Наполеоне – граф империи, взяв слово, спросил:

– Являетесь ли вы гражданином Эджвортом де Фримонтом?

– Да, – ответил священник.

– Луи Капет, – продолжал министр, – выразил нам желание иметь вас около себя в последние часы своей жизни. Мы вас пригласили сюда, чтобы узнать, согласны ли вы оказать ему услугу, которую он ожидает от вас?

Эджворт ответил:

– Так как король выразил это свое желание, назвав меня по фамилии, моим долгом является сопровождать его в последние минуты его жизни.

– В таком случае, – прибавил министр, – вы поедете со мною в тюрьму Тампль, куда я немедленно отправляюсь.

Время было дорого, так как по декрету Национального Конвента приговор должен был быть приведен в исполнение в 24 часа.

Министр юстиции Гара тотчас же взял папку с бумагами, лежавшими на столе, вполголоса посоветовался о чем-то с остальными министрами и, внезапно направившись к выходу, приказал священнику следовать за ним. Министерская карета, окруженная почетными всадниками, ожидала их у ворот дворца. Министр сел рядом со священником, одетым, как и все католические священники той революционной эпохи, в гражданское платье. Поездка от Тюильри до Тампля совершалась в мрачайшем молчании.

Министр дважды пытался заговорить.

– Великий Боже! – воскликнул он, поднимая стекла экипажа, – какое ужасное поручение возложено на меня! Какой человек! – прибавил он, говоря о короле, – какое смирение, какое мужество! Нет, одна природа не в состоянии дать такую силу. Есть в этом нечто сверхчеловеческое!

Рядом сидевший священник продолжал пребывать в задумчивости. Министр понял по-своему все то, что он хотел выразить, и во время всего пути больше не открывал рта. Наконец они подъехали к тюрьме Тампль. Было 6 часов вечера. Ворота немедленно отворились, но, когда карета подкатила ко вторым дверям, ведущим в сад, непосредственно окружавший башни тюрьмы, экипаж был остановлен. Это было общим правилом, которому подчинялся даже министр юстиции: чтобы проникнуть дальше, необходимо было подвергнуть свои бумаги контролю комиссаров Тампля.

Приехавшие около четверти часа молча ожидали возвращения комиссаров. Наконец те явились. Как старые знакомые они поздоровались с министром. В нескольких словах последний объяснил им, какова миссия священника,

сопровождавшего его.

Низкие железные ворота тюрьмы, с большим количеством замков и затворов, с шумом и скрипом отворились. Пройдя через комнату, занятую многочисленной сменой часовых, охранявших короля, министр и священник проникли в более просторную залу, где собрались комиссары Парижа, ответственные за охрану Людовика XVI. Числом около двенадцати, одетые в якобинские костюмы, комиссары не выражали того уныния, которое было написано на лицах министров: только один или два человека имели несколько смущенный вид.

Министр собрал их в одном из углов залы и прочел тихим голосом бумагу, привезенную из Тюильри. Кончив чтение, министр резко обернулся к Эджворту, приказав ему следовать за ним, но совет взволнованно воспротивился этому. Они снова совещались несколько секунд, разговаривая друг с другом шепотом, и в результате часть их проводила министра, направлявшегося к королю, в то время как остальные остались со священником. Когда двери закрылись за первой группой, старейший из комиссаров приблизился к священнику с решительным, но смущенным видом. Начался строгий обыск.

Табакерка Эджворта была раскрыта, а табак высыпан. Маленький свинцовый карандашик, найденный в карманах священника, был тщательно осмотрен из страха, не скрывает ли он какое-либо острое оружие. Повторив извинения, с которых обыск начался, Эджворта попросили присесть, но в этот момент появились два комиссара, поднявшиеся вместе с министром к королю, и священнику было объявлено, что ему разрешено свидание с монархом-смертником.

Эджворта повели вверх по винтовой лестнице, настолько узкой и крутой, что два человека с трудом могли разминуться на ней. Эта лестница была разделена через определенные промежутки барьерами, около каждого из которых стоял часовой – санкюлот, почти всегда пьяный. Их крики, повторенные эхом многочисленных сводов башни, были громки и жутки. Приблизившись к апартаментам короля, все двери которых были открыты, Эджворт заметил Людовика посреди группы из восьми человек: то был министр юстиции, окруженный членами городского самоуправления. Они только что прочитали королю роковой приговор, безапелляционно назначавший на завтра день его казни.

Король казался среди них спокойным, чуть ли не грациозным, и никто из окружающих его не имел столь уверенного вида.

Лишь только Людовик увидел вошедшего священника, он рукою сделал остальным знак уйти. Они безмолвно повиновались.

Людовик сам закрыл за ними дверь, и Эджворт остался наедине с королем.

До сих пор священник довольно хорошо держался, но при виде монарха, раньше столь могущественного, Эджворт не мог больше владеть собою и против своей собственной воли упал со слезами к ногам короля. Вначале Людовик отвечал на слезы священника собственными слезами, но вскоре король овладел собою.

– Простите меня, месье, простите этот миг слабости, – сказал он, – если, однако, это можно назвать слабостью. Уже долгое время я живу среди врагов, и привычка как бы сроднила меня с ними, но вид верного подданного говорит моему сердцу совсем другое: это – вид, от которого отвыкли мои глаза, и он меня растрогал.

Король ласково поднял священника и попросил его последовать за ним в кабинет. Этот кабинет не был обит обоями и не имел никаких украшений; плохая фаянсовая печь служила ему камином, и вся мебель его состояла из стола и трех кожаных кресел. Посадив Эджворта напротив себя, король сказал:

– Теперь мне остается одно-единственное великое дело, которое меня занимает целиком. Увы, единственное важное дело, которое мне осталось. Ибо что значат все остальные дела по сравнению с этим.

Эджворт рассказывает, что случайно разговор перешел на герцога Орлеанского, и король оказался очень хорошо информированным о роли, которую герцог играл в вынесении ему смертного приговора. Он об этом говорил без горечи, больше с жалостью, чем с гневом.

– Что я сделал моему кузену, – сказал он, – что тот меня так преследует. Он больше достоин жалости, чем я. Мое положение, без сомнения, печально, но, если оно было бы еще хуже, я, безусловно, не хотел бы быть на его месте.

На этом разговор между священником и смертником был прерван комиссарами, сообщившими королю, что семья его сошла из верхних камер тюрьмы вниз. При этом известии король весь оказался во власти волнения и выбежал из комнаты. Эджворт, оставшийся в кабинете, свободно мог слышать голоса, и он невольно стал свидетелем сцены, где смертник говорит свое последнее прощание близким, остающимся жить.

В течение четверти часа продолжались душераздирающие крики, которые, наверное, были слышны за стенами башни. Король, королева, маленький принц, сестра короля и его дочь – все жалобно плакали одновременно, и их голоса смешались. Наконец слезы прекратились, ибо не осталось больше сил их лить. Тихо и довольно спокойно началась беседа, продолжавшаяся около часа. Король после этого немедленно возвратился к священнику в состоянии глубокого волнения. Эджворт остался наедине с королем до глубокой ночи, но, заметив усталость своего собеседника, предложил ему немного отдохнуть.

По приказанию Людовика священник прошел в маленькую клетушку, где обыкновенно спал королевский слуга Клери, отделенную перегородкой от комнаты короля. Оставшись один со своими мрачными мыслями, Эджворт слышал, как король спокойным голосом отдавал приказания к завтрашнему дню слуге Клери, оставшемуся сидеть, молясь всю ночь, у постели короля.

В 5 часов утра Людовик проснулся. Немного времени спустя король послал за священником, с которым он провел в беседе около часа в том же кабинете, где они встретились накануне. По выходе из кабинета Эджворт увидел посередине комнаты сделанный из комода алтарь. Король выслушал обедню, преклонив колена на голом полу, без подушки, и принял причастие. Затем священник оставил его одного.

Вскоре король снова послал за священником, который при входе в комнату нашел Людовика сидящим у печки, около которой он с трудом мог согреться.

Занималась утренняя заря.

Уже во всех кварталах Парижа звучал бой барабанов. Эти необычные звуки очень ясно были различимы сквозь стены башни, и Эджворт признается в своих записках, часть которых он, вероятно, писал в Митаве, что эти звуки внушили ему ужас.

Вскоре кавалерийские части вошли во двор Тампля, и сквозь стены тюрьмы можно было ясно различить голоса офицеров и лошадиный топот. Король прислушался и сказал хладнокровно: «Они как будто приближаются».

С 7 до 8 часов утра под разными предлогами стучали в двери.

Возвратившись в комнату после одного из таких стуков, Людовик сказал улыбаясь:

– Эти господа видят всюду кинжалы и яд. Они боятся, чтобы я не покончил с собой. Увы, они плохо меня знают. Покончить с собой было бы слабостью. Нет, если нужно, я сумею умереть!

Наконец в двери постучали в последний раз. Король властно сказал:

– Подождите меня, через несколько минут я буду в вашем распоряжении.

Сказав это, он закрыл двери и бросился на колени перед священником.

– Все кончено. Дайте мне ваше последнее благословение и просите Бога, чтобы Он меня поддержал до конца.

Среди жуткой тишины карета подъехала к тогда еще не мощенной площади Людовика XV, в скором времени переименованной в площадь Революции. Вокруг эшафота было оставлено много свободного места, окруженного пушками с дулами, направленными в толпу. Всюду вокруг была видна вооруженная толпа.

Лишь только король почувствовал, что экипаж больше не двигается, он обернулся к священнику и прошептал:

– Если я не ошибаюсь, мы приехали.

Один из палачей поспешил открыть дверцы экипажа, а жандармы хотели уже слезать, как король, опираясь рукою о колено Эджворта, властно остановил их, сказав:

– Я вам рекомендую этого господина. Заботьтесь, чтобы после моей смерти его не подвергли оскорблениям. Я вас обязываю заботиться об этом.

Лишь только король вылез из кареты, его окружили три палача, которые хотели снять с него одежду, но король, гордо оттолкнув их, разделся сам.

Палачи, которых самообладание короля привело на миг в некоторое смущение, вскоре снова набрались храбрости.

Они окружили Людовика и хотели взять его за руки.

– Чего вы хотите? – спросил король, с живостью отдергивая свои руки.

– Связать вас, – ответил один из палачей.

– Меня связать! – гневно ответил король. – Я никогда не соглашусь на это! Делайте, что вам приказано, но вы меня не свяжете. Откажитесь от этого намерения!

Палачи настаивали, повысив голоса. Казалось, что они хотят применить силу.

Обернувшись к священнику, король молящим взглядом испрашивал у него совета. Эджворт ничего не отвечал ему, но так как король продолжал вопросительно смотреть на него, священник проговорил со слезами в голосе:

– В этом новом оскорблении я вижу только сходство вашего величества с Христом.

При этих словах Людовик поднял к небу глаза, полные страдания.

Обращаясь к палачам, он сказал:

– Делайте что хотите. Я выпью чашу до дна.

Ступени, ведущие к эшафоту, были необычайно крутыми. Король вынужден был опереться о руки священника. Каково было удивление Эджворта, когда, дойдя

до последней ступени, он почувствовал, что король покинул его плечо, твердым шагом прошел всю ширину эшафота и, одним своим взглядом заставив замолчать роту барабанщиков, стоявших против него, громким голосом, который должен был быть слышен по всей притихшей площади, сказал:

– Я умираю невинным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прощаю виновникам моей смерти и прошу Бога, чтобы кровь, которую вы сейчас прольете, не упала бы никогда на Францию.

Лишь только Эджворт услышал роковой удар падающего ножа, он сейчас же упал на колени. Он оставался в этом положении до тех пор, пока самый молодой из палачей – почти мальчик – схватил отрезанную голову и, обходя эшафот, чтобы показать ее толпе, капнул кровью из мертвой головы короля на шею коленопреклоненного священника.

Было десять часов десять минут утра 21 января 1793 г.

Более чем двухсотлетнее пророчество осуществилось.

Тонкая нить, на которой последнее время держалась корона Бурбонов, была подрезана ножом гильотины, и коронованная голова скатилась с эшафота, поглощенная бушующими волнами океана революции.

Среди многотысячной вооруженной толпы, наполнившей площадь, вероятно, не было ни одного человека, который бы знал, что в эту минуту сквозь дали веков своим пророческим взором на них глядит Нострадамус.

Идея бегства за границу внушена была Людовику стараниями Марии Антуанетты. В течение нескольких дней король не давал никакого ответа на предложение покинуть Францию. Наконец по настоянию королевы он дал свое согласие. Аристократические заговорщики во главе с маркизом Буйэ, зная слабых характерность Людовика, потребовали письменного подтверждения его воли к бегству, что и было исполнено. Графу Ферзену было поручено заказать дорожную карету, внешне простую, но крепко построенную. Ферзен должен был также позаботиться о лошадях, которые доведут королевскую семью до ближайшей почтовой станции Бонди. Кроме того, ему была поручена забота о фиакре, в который сядет королевская семья, после того как она покинет Тюильрийский дворец. Местом встречи была назначена улица св. Никеза.

В 11 часов ночи 20 июня 1791 г. сонный семилетний наследник, переодетый девочкой, и дочь короля в сопровождении графини де Турзель сели в фиакр. Гувернантка уложила заспанного ребенка на дно кареты, покрыв его своей юбкой. Запряженная дорожная карета ждала королевскую семью вдали от дворца у ворот св. Мартина. Револютеры для трех членов королевской охраны были забыты и не были спрятаны под седлами лошадей, как было условлено. Охрана оказалась вооруженной только охотничьими ножами.

В половине двенадцатого ночи граф Валори явился к королеве, а Мутье и Малден – к королю. Королева и принцесса Елизавета казались спокойными и хорошо владели собой. В полночь король вошел в комнату королевы в сопровождении своей охраны – Малдена и Мутье. Наконец они покинули дворец. Мутье взял под руку королеву, а Малден – Елизавету. Граф де Валори следовал за королем. Чтобы не образовать группу, все шли отдельно на некотором расстоянии друг от друга. В это время ночи на дворе Тюильри всегда царил большое оживление, и можно было надеяться, что побег не будет замечен. Король, одетый в серый сюртук и в парике, шел впереди всех.

Во время побега король изображал слугу Дюрана на службе у баронессы Корфф (гувернантка Турзель). Королева, под именем мадам Боннэ, играла роль гувернантки двух девочек, записанных в фальшивом паспорте Амалией и Аглаей. Королева и г-жа Елизавета были одеты в белые летние платья и шляпы с широкими полями, скрывавшими лицо. Мария Антуанетта держала в руке тросточку. Двор Тюильри в этот час ночи освещался так сильно, что казалось, еще был день. Когда Людовик проходил через двор, пряжка его туфель оторвалась и покатила. Граф Валори поднял ее.

Королева опоздала, так как очень испугалась, увидев вдруг перед собою экипаж Лафайета, приближавшийся галопом. Несколько лакеев с зажженными факелами окружали экипаж генерал-аншефа и бросали кругом столь яркий свет, что королева, убежденная, что ее узнали, в испуге вырвалась от своего проводника и бросилась в сторону. Мутье с трудом успокоил ее, указав, что Лафайет, наверное, был ослеплен близко от него отстоявшими факелами и никого не заметил. Королева наконец успокоилась. Де Валори немедленно поскакал в Бонди заказывать почтовых лошадей. Мутье сел верхом, чтобы сопровождать карету, а Малден поместился сзади. В таком расположении поезд отправился в путь, чтобы достичь дорожной кареты, ожидавшей путешественников у ворот св. Мартина. Королевская семья достигла станции Бонди без всякого инцидента, если не считать лопнувшей постромки от удара о

тумбу, стоявшую на краю дороги.

Около 7 часов вечера 21 июня де Валори, скакавший впереди, въехал в город Сент-Менуэл, на улицах которого он заметил много солдат Национальной гвардии. Раздавался бой барабанов. Повсюду было заметно большое оживление. С просьбой о лошадях граф де Валори обратился к случайно проходившему мимо почтовому чиновнику Друэ, пять часов спустя арестовавшему короля. Друэ во время беседы с де Валори удовлетворился вопросом: «Что нового в Париже?».

Через четверть часа удары кнутовищ почтовых возниц уже издали возвестили о приезде короля и его семьи. Поезд Людовика, состоявший из двух экипажей, был запряжен одиннадцатью лошадьми. Друэ имел достаточно времени, чтобы внимательно осмотреть пассажиров, остававшихся сидеть в экипажах.

Четыре часа спустя – в 11 часов вечера – король и его семья подъехали к городу Варенн. Было условлено, что в известном месте около этого города граф де Режекур и маркиз де Буйэ будут ожидать короля со свежей упряжкой, но их в этом месте не оказалось. Они ждали в замке, на другом берегу реки, и никто из сопровождавших Людовика людей не знал об этом. Де Валори был вынужден заехать в город, чтобы найти лошадей. Вскоре он заметил, что жители Варенн выходят из своих домов с фонарями в руках и, встречаясь, шепчутся о чем то. Число снующих во все стороны людей постоянно увеличивалось. Вскоре улица приняла оживленный вид. Когда Валори возвратился к экипажу, Людовик крикнул ему: «Франсуа, нас предали! Только что прискакал курьер, запретивший именем нации почтовым кучерам ехать дальше и распорядившийся распрячь лошадей!».

Во время этого разговора слышались первые звуки барабанной дроби. Зазвонили в набат. На глазах у короля баррикадировался мост при помощи опрокинутых телег и сваленной в кучу тяжелой мебели. Отсутствие огнестрельного оружия у охраны короля делало положение безвыходным.

Курьер, запретивший продолжать путешествие, был знакомый по Сент-Менуэлю почтовый чиновник Друэ.

Члены охраны заставили кучеров двинуться в путь угрозами и обещанием денег. Экипаж через четыре минуты достиг ворот города, но они были уже заперты и охранялись солдатами. Пассажиры экипажа были ошеломлены пронзительными

криками «стой!», раздавшимися вокруг них. Лошадей схватили под уздцы, и в мгновение ока экипаж был окружен вооруженной толпой, среди которой находились люди, державшие в руках факелы. Пассажиров спросили, кто они. Ответ гласил:

– Мадам Корфф с семейством.

Свет факелов направили прямо в лицо Людовику. От путешественников потребовали, чтобы они показали паспорта и покинули экипаж. Пассажиры отказались. Громким голосом путешественникам был отдан приказ сойти, в противном случае они будут убиты на месте. Окружавшая экипаж вооруженная толпа направила уже свои ружья на непослушных. Королевская семья была вынуждена прервать свое путешествие.

В то время как непрерывно гудел набат, кругом стоял невообразимый шум от угрожающих криков возбужденной толпы.

Людовик, продолжая еще играть роль слуги путешествующей семьи Корфф, сел в самый отдаленный угол комнаты прокурора Сауса, куда их привели. В своем возбуждении он не заметил, что над ним висит его собственный портрет. В то время как глава путешествующей семьи г-жа Корфф, под именем которой скрывалась гувернантка, громко протестовала против задержки, все входившие в комнату бросали взгляд то на Людовика, то на висевший над ним портрет.

Скоро все единодушно признали в нем короля. Когда Людовик наконец счел нужным назвать себя, все французы, находившиеся с ним в одной комнате, бросились перед ним на колени, целуя ему руки. Тем не менее королю решительно заявили, что он дальше не поедет.

В это время все население маленького городка уже успело покинуть постели и высыпало на улицу. Во всех окнах появились огни, служившие одновременно для освещения улицы. Почти каждый житель Варенн вооружился ружьем, саблей или косой. У дверей двухкомнатной квартиры городского прокурора и торговца свечами Сауса, где находилась королевская семья, поставили часовых – двух мужиков, вооруженных вилами. Около здания городского самоуправления всю ночь собиралась большая толпа революционеров, громко кричавших: «В Париж! В Париж!».

Наконец в 3 часа утра 22 июня в комнату к Людовику вошла четвертая по счету делегация муниципалитета и сообщила, что «народ решительно противится отъезду короля, а потому постановлено отправить курьера в Париж к Учредительному собранию, чтобы получить инструкции».

Два часа спустя в Варенн приехали адъютант Лафайета – Ромеф и офицер Национальной гвардии Байон, посланец парижского муниципалитета. В это же время некоторые части гарнизона из соседних городов прибыли в Варенн вместе с пушками, чтобы присоединиться к восстанию.

Байон, окруженный членами вареннского муниципалитета, вошел в комнату к королю. Посредине стоял стол; на нем находился хлеб и несколько стаканов. На кровати лежали спящий наследник и принцесса. У окна находилась г-жа Елизавета; Людовик и Мария-Антуанетта беседовали стоя. В глубине комнаты на стульях от усталости заснули трое членов королевской охраны.

Долгая езда оставила следы на лице Байона. Волосы, как и одежда его, были в беспорядке. Весь его вид выражал большое внутреннее волнение.

– Сир, – сказал Байон отрывисто, – Вы знаете... в Париже убивают... Может быть, наши жены и дети уже убиты. Вы дальше не поедете. Сир... интересы государства...

– Наконец, что вы хотите? – спросил король.

– Сир, декрет Учредительного собрания...

– Где он?

– Он у моего коллеги.

Дверь открылась, и у окна соседней комнаты показалась фигура де Ромефа, лицо которого было залито слезами. В руке он держал бумагу.

Несколько дней тому назад Ромеф считался еще адъютантом королевы, прикомандированным к ней Лафайетом. С опущенными глазами Ромеф сделал несколько шагов вперед.

– Что! Это вы? – воскликнула королева. – О, я никогда не поверила бы этому.

Король решительно вырвал из рук Ромефа декрет о закрытии границы и аресте всякого лица, включая короля и его семьи, которые захотят перейти границу, как и секвестра лошадей, экипажей, золота, ассигнаций и амуниции, незаконно вывозимых из Франции.

– Больше нет короля во Франции! – воскликнул Людовик после повторного чтения декрета.

Королева быстро пробежала глазами бумагу. Король снова взял декрет из ее рук и прочел его в третий раз, а затем положил документ на кровать, где спали наследник и принцесса. Королева в бешенстве сбросила декрет с постели, сказав: «Я не хочу, чтобы он грязнил моих детей». В ответ на это оскорбление Учредительного собрания среди присутствовавших членов муниципалитета и толпы раздался грозный гул неодобрения.

Наконец трое членов охраны короля получили приказ сесть на козлы экипажа. Королевская семья была вынуждена возвратиться в Париж, эскортируемая двадцатитысячной толпой, вооруженной ружьями, косами, пиками, вилами и саблями. Трое сидевших на козлах членов охраны короля служили как бы мишенью для гнева толпы. Их оскорбляли, грозили убить и закидывали грязью (в буквальном смысле этого слова).

Старый маркиз Дампьерр верхом на коне приблизился к карете, чтобы выразить королю свои верноподданнические чувства. Когда его жест был замечен, его стали называть изменником. Один из толпы схватил лошадь под уздцы. Другие

постарались выбить всадника из седла. Маркиз вынул шпагу. Кто-то выстрелил. Маркиз также выхватил пистолет и по горячности направил своего коня в сторону головы колонны, где было много всадников, пустившихся за ним в погоню. Одновременно раздалось около сорока выстрелов. Подстреленная лошадь маркиза упала. Кругом тотчас же собралась толпа. Через несколько мгновений над толпой показалась голова маркиза Дампьерра, надетая на пику. Под звуки революционных песен этот трофей был поднесен к окнам королевского экипажа. До Парижа мертвая голова служила знаменем для процессии, сопровождавшей Людовика в его насильственном возвращении в столицу.

За 236 лет до этого события Нострадамус предсказал в 20 катрене IX центурии то, что случилось 20 июня 1791 г.:

Он явится ночью из леса Королев ? Тэн/.

Две четы ? супруги/, окольной путь, Терн, белый камень.

Черный аскет в бледном Варение.

Титулованный Кап порождает бурю, огонь, обогрненное лезвие.

В объяснениях, сопровождающих это четверостишие, глубоко интересно замечание Буи – современника Французской революции, что «лесом Королев» как раз называется или назывался тот лес, сквозь который проходит большая дорога, ведущая в Варенн и которую пользовался Луи Капет (Людовик XVI) со своей семьей во время бегства, закончившегося трагическим для него арестом в городе Варенн. Что касается выражения «белый камень», употребленного Нострадамусом в этом четверостишии, то, по мнению Буи, пророк хотел этим отметить «одновременно и необычайную белизну, бледность лица» (объясняемую испугом Марии-Антуанетты при виде близко проезжавшей в этот час кареты Лафайета. «Белой королевой» называлась также жена св. Людовика, имя которого было упомянуто духовником в минуту казни Людовика XVI в знаменитой фразе: «Сын св. Людовика, поднимитесь на небо»), и белое платье, которое она (королева) одела для своего путешествия, как и цену ее августейшей персоны: белый, драгоценный камень...».

Попытка Людовика XVI сбежать потерпела неудачу

По мнению Буи, весь контекст, в котором находятся слова «черный аскет в бледном Варение», указывает, что они должны обозначать короля, одетого во время путешествия в серое и впоследствии в тюрьме Тампль показывавшего

монашеское благочестие.

Во всем пророчестве чувствуется сознательная скупость слов и выражений; единственное слово, высказанное членораздельно, – это имя города Варенн. Имя Капет – так стали звать короля со времени его возвращения из побега – сокращено. Во всем этом видно желание автора скрыть от современников ключ к пониманию пророчества. После совершения события все умолчания и сокращения становятся ясными: их цель могла заключаться только в том, чтобы предохранить героя будущего события и его близких от тяжелой душевной депрессии, сознания своей обреченности. Большая ясность «не всем была бы приятна», как выразился Нострадамус в предисловии к своей книге.

К катрену IX, 20, по мнению нострадамоведов, имеется еще дополнительное предсказание – IX, 34:

Свободный муж частью будет выбран епископом.

Возврат, несогласие, пройдет по черепице.

Один, проданный пятью стами, будет титулован ?

Один, изменивший, будет титулован пятьюстами/.

В Нарбонне и Солс много масла.

Здесь два ключевых слова:

1) «черепица» (тюиль), из которой легко вывести название королевского дворца Тюильри;

2) «пятьсот», которые можно отождествить со знаменитым отрядом пятисот марсельцев, которые принесли в Париж «Марсельезу» и возглавили штурм Тюильри 10 августа 1792 г. Они как бы указывают на решающий момент падения Французской монархии.

В историческом плане пророчество подтверждается еще раз: благородным предателем окажется Филипп Эгалите, герцог Орлеанский, который проголосует за смерть короля, своего кузена. Нарбонн приложил все усилия, чтобы помочь королю в тот день – 10 августа 1792 г. Но все, что он смог сделать, – это дать ему пристанище в своем доме в ночь ареста.

Особое внимание комментаторов привлекло имя Солс. Они тут же его отождествили с Сосом (одна буква остается лишней, но, учитывая нестойкость орфографии XVI в., это можно простить). Упомянутый Сое был не кем иным, как исполняющим обязанности мэра Варенна в драматическую ночь 21–22 июня 1791 г. Он укрыл короля и королеву от гнева толпы в своем доме и как будто обещал их потом отпустить. Однако не отпустил, а отправил под конвоем обратно в Париж. По профессии он был бакалейщиком, и поэтому упоминание о ножах и масле здесь как будто уместно. Наконец, эпизод из первой строчки, где на злополучного супруга надевают митру, по А. Лепелетье, тоже имел место. Народные массы, ворвавшиеся в Тюильри, заставили Людовика XVI надеть красный колпак – символ свободы. Правда, это случилось не до поездки в Варенн, а год спустя.

Катрен IX, 77 обычно относят к казни Марии Антуанетты 17 октября 1793 г.

Государство присвоил позванный Кесарь.

Женщину осудят на смерть судьи, выбранные по жребию.

Погубят сына Королевы.

И наложница, наконец, приобрела поддержку.

А. Лепелетье дает такое толкование этому катрену: «Национальный Конвент, узурпировав прерогативы королевской власти, сделает вид, что он осудил схваченного им короля за измену. Мария Антуанетта будет осуждена судом присяжных, избранных путем жеребьевки. Они также лишат жизни молодого дофина (Людовика XVII), отдав его сапожнику Симону с поручением убить его медленно».

С судьбами семейства Бурбонов все исследователи безоговорочно связывают три катрена, имеющие один и тот же номер – VIII, 17; IX, 17; X, 17.

VIII, 17:

Имущие лица мгновенно будут разорены.

Мир будет повергнут в междоусобицу тремя братьями.

Приморский город займут враги.

Голод, огонь, кровь, мор и удвоение всех несчастий.

IX, 17:

Третий столь хуже первого, насколько страшным был Нерон.

Бегите, доблестные, дабы не проливать брентную кровь ?

Выдворены доблестные, которые проливали человеческую кровь/!

Велит заново возвести арку.

Золотой век, вечный покой, новый

Монарх, великий скандал.

X, 17:

Королева Эргаста ?надзирательница/ /надсмотрщица/ увидит свою дочь
поблекшей

От сочувствия, заключенного в груди.

Горестные вопли донесутся тогда из Ангулема,

И брак с кузеном состоится.

Первый катрен сулит великие потрясения. Привилегированные классы лишатся своих привилегий. Страна претерпит всевозможные бедствия, включая иностранное вторжение и гражданскую войну.

Лепелетье считает, что этот катрен относится к Великой Французской революции. В первой строке говорится об отмене в 1789 г. всех феодальных привилегий. Вторая строчка относится к трем братьям-королям: Людовику XVI, Людовику XVIII и Карлу X, на которых возлагается вся вина за разразившуюся смуту. В третьей строчке говорится о захвате англичанами французского порта Тулон. Его, впрочем, вскоре отбил генерал Наполеон Бонапарт. Четвертая строчка в комментариях не нуждается.

В эпоху жестокого режима террора Революционные комитеты часто собирались для того, чтобы наметить последующие шаги

Катрен IX, 17 начинается с того, что третье (или третий) станет первым. Вполне правдоподобно, что под «третьим» Нострадамус имел в виду третье сословие, т. е. все население Франции, кроме дворянства и духовенства. Первые две строчки, таким образом, могут описывать жестокости якобинского террора и другие эксцессы революции 1789–1793 гг. Неясную третью строчку А. Лепелетье объясняет следующим образом: «Национальный Конвент... воздвигнет эшафот, который пожрет духовенство и знать, на площади Революции, напротив дворца Тюильри, там, где раньше были печи для обжигания черепицы. Новый король из четвертой строчки в таком случае – это, естественно, безродный Наполеон, восшествие которого на престол было скандалом с точки зрения всех сторонников законной династии».

Катрен X, 17 показывает, что там, где это никому не может повредить, Нострадамус в состоянии назвать по имени героев будущих событий.

В воскресенье, 20 января 1793 г. в 2 часа дня открылись двери тюрьмы Тампль, и на пороге комнаты, в которую был заключен Людовик XVI, появился в полном составе кабинет министров. Секретарь Грувелль развернул бумагу со смертным приговором королю и прочел его слабым и дрожащим голосом. Приговор должен был быть приведен в исполнение не позже чем через 24 часа. Шесть часов спустя снова открылась дверь в соседнюю столовую, и первой показалась «Королева Эргаста» – в прошлом австрийская великая княгиня, ведшая за руку своего восьмилетнего сына, за нею следовала Мария Шарлотта – 15-летняя дочь короля и сестра его – Елизавета. Король, входя в столовую, сказал слуге:

– Скажите священнику Эджворту, чтобы он не выходил из моего кабинета. Я боюсь, чтобы его присутствие не испугало мою семью.

Два часа спустя – около четверти 11 ночи – король, желая положить конец мучительному свиданию, встал со своего стула и вслед за ним встали остальные члены семьи. Королева держала Людовика за правую руку. Мария Шарлотта обняла своего отца с левой стороны, обвив его руками. Сестра его Елизавета с той же левой стороны обняла своего брата за шею. Они все жалобно стонали.

– Я уверяю вас, – сказал Людовик, – мы увидимся еще завтра в 8 часов утра...
Adieu.

Он произнес слово «Adieu» столь выразительно, что громкий плач еще больше усилился. Мария Шарлотта упала в глубоком обмороке к ногам короля. Исполнилась первая часть более чем двухсотлетнего пророчества Нострадамуса.

Две последние строчки, по мнению А. Лепелетье, указывают на старшую дочь Людовика XVI и Марии Антуанетты, которая в 1787 г. была обручена со своим двоюродным братом Людовиком Антуаном, герцогом Ангу-лемским, а в 1799 г. вышла за него замуж в литовском городе Митаве, куда бежало семейство из Франции.

Взятые вместе, эти три катрена производят довольно внушительное впечатление.

Исследователи пророчеств Нострадамуса на протяжении уже четырех столетий пытаются дать ответ на вопрос, почему Нострадамус так много прорицаний посвятил именно правлению Людовика XVI, и все они были весьма удачными. Наиболее убедительна теория М. Морена, который считает судьбу этого короля особой. Ему было предначертано умереть мученической смертью, принеся себя в жертву, подготовить Францию к приходу Великого Монарха, который должен явиться на заре седьмого тысячелетия, чтобы возродить Запад.

Любителям числовых совпадений будет любопытно узнать, что из девяти катренов под номером 57 четыре можно отнести к Великой Французской революции или к ее непосредственным последствиям – это I, 57; II, 57; V, 57 и VIII, 57. Первые два уже рассмотрены. В V, 57 говорится следующее:

Изобретение братьев Монгольфье предсказано в четверостишии V, 57

Явится ?выйдет?? с Авентинского взгорья и холма Гозье

Тот, кто [проделав] /сквозь/ дыру, предупредит войско.

Между двумя горами будет поймана добыча,

Шестого владыку ?мавзола/ репутация будет запачкана.

Лепелетье находит объяснение и этому весьма туманному катрену. «Вскоре после изобретения аэростатов, – пишет он, – появилась идея использовать человека, который сидит в корзине под отверстием шара Монгольфье («сквозь дыру»). Этот шар был впервые применен для разведки австрийских позиций в битве при Флерюсе (16 июня 1794 г.). А когда Республика воевала с Римом (его обозначает Авентинский холм), то по договору в Толентино (19 февраля 1797 г.) она отняла у Папы во Франции Авиньон и графство Венсен, а в Италии области Болонья, Феррара и Романья («две горы»). Вскоре после этого внешний блеск Папы Пия VI будет притемнен, ибо этот святой старец, увезенный в плен из

своего государства, умрет в Балансе на чужой земле.»

Рассмотрим и другие предсказания, которые толкователи относят к Великой Французской революции (II, 2):

Бирюзовая голова нанесет белой голове

Столь же зла, сколько Франция им сделала добра,

Опочивший в Антене, великий человек будет повешен на суку,

Когда Государь молвит, сколько его /человек, близких/ он арестовал [в полон].

В Гражданской войне, которая разразилась во Франции после казни Людовика XVI, сторонников Республики называли синими (по цвету знамени Бурбонов). Поскольку во второй строчке Нострадамус говорит о синей голове уже не в единственном, а во множественном числе, подчеркивая неблагодарность синих к Франции (т. е. французской монархии), которая сделала им столько добра, борьбу «бирюзовых» и «белых» у Нострадамуса можно безошибочно толковать в контексте истории Великой Французской революции.

К Гражданской войне 1793–1794 гг. во Франции некоторые комментаторы относят и катрену 33:

Верхи взбунтовавшегося города

Будут сильно держаться, дабы опять

получить волю, Забиты будут мужчины, жалкая сеча,

Вопли, крики в Нанте, страшно будет глядеть.

А. Лепелетье так истолковывает этот катрен: «Главные граждане восставшего города будут яростно сопротивляться угнетению, которое их лишило свободы. У мужчин будут отрублены головы, женщины и священники будут связаны вперемешку ужасными узами. Сколь жалостны будут крики и вопли, которые раздадутся в Нанте».

Далее А. Лепелетье поясняет, что Нант был одним из главных очагов так называемого Вандейского мятежа против власти революционного Конвента в Париже. Республиканские войска жестоко подавили его. Некоторым пленным отрубали головы на гильотине. Но особенно много мятежников, а также тех, кто был заподозрен в сочувствии к ним, было утоплено в Луаре (Нант). При этом лиц разного пола иногда связывали попарно и так бросали в воду. Это называлось «республиканским браком».

Плачевной судьбе «бывших» (как называли во время Великой Французской революции дворянство и духовенство), по мнению А. Лепелетье, посвящен и катрен VI, 69:

Великое сожаление долго не застрянет,

Те, кто вручал, будут понуждены забирать,

Нагие, голодные, замерзшие, жаждущие, без веры,

Они пересекут горы, образуя большую шумиху.

Лепелетье расшифровывает это следующим образом: «Положение французского духовенства вскоре станет плачевным. Эти люди, раздававшие невероятные блага бедным, будут вынуждены побираться ради хлеба. Ограбленные, объявленные вне закона, умирающие от голода, холода и жажды, они группами будут пересекать Альпы и укроются в Италии, произведя этим повсюду великий скандал», т. е., говоря современным языком, их судьба вызовет глубокое возмущение всей мировой общественности.

Приведем еще два предсказания, которые, по мнению многих исследователей, отражали религиозную политику якобинцев.

I, 44:

Вскоре вновь возвратятся жертвоприношения,

Непокорящиеся станут подвергнуты страданиям,

Не станет ни монахов, ни настоятелей, ни послушников,

Мед станет намного ценнее воска.

II, 8:

Святые храмы первоначального романского образца

Бросят ложные основы,

Возвратившись к изначальным гуманным основам,

Выгнав благочестивых, но не всех, а только липовых поклонений

? Выдворив, нет, все, священных культуры/.

Первый из этих катренов, как считает Лепелетье, предсказывает установление якобинцами 10 ноября 1793 г. культа Разума, который осуществлялся в отобранном у католической церкви соборе Парижской Богоматери (Нотр-Дам де Пари). Все католические священники были обязаны принести присягу верности Республике. А если они этого не делали («непокорящиеся»), то подлежали смертной казни. Монастыри и семинарии при якобинцах были закрыты. А из-за отсутствия церковных служб цена на восковые свечи снизилась по сравнению с медом.

Второй катрен Лепелетье относит к следующему этапу религиозной политики. 8 июня 1794 г. по инициативе Робеспьера на смену культу Разума, носившего атеистический характер, был учрежден культ Верховного Существа, который Нострадамус, если бы он увидел его, мог бы расценивать как языческий. Эта новая религия, согласно его предсказанию, откажется от своего глубокого фундамента, т. е. христианства, или, еще конкретнее, католицизма. Возвращение к первоначальным, человеческим законам (после того как основой всего был закон Божеский), конечно, регресс, с точки зрения как Лепелетье, так и Нострадамуса.

Загадка Людовика XVII

Самым загадочным событием Французской революции, пожалуй, предстает дело Людовика XVII. Удалось ли дофину, сыну Людовика VII и Марии Антуанетты, вырваться из рук тюремщиков? Долгие годы этот вопрос мучил историков. После революции находилось немало лиц, претендовавших на титул французского короля. Но что же все-таки произошло?

Рассмотрим события по порядку.

По приказу Конвента французская королевская семья была заключена в тюрьму Тампль 13 августа 1792 г., Людовик был гильотинирован 21 января 1793 г., Мария Антуанетта – 16 октября того же года. Их сын Луи Шарль, дофин Франции, стал королем 21 января 1793 г. после казни отца. Сироте было восемь лет. Конвент назначил сапожника и депутата парламента Симона его опекуном. Симон был человеком простым, но не злым. С помощью своей жены он организовал побег Луи Шарля 19 января 1794 г.

Обнаружив пропажу заложника, республиканцы решили казнить тетку мальчика госпожу Элизабет, ненужную свидетельницу побега, и объявили, что ребенок умер от болезни 8 июля 1795 г.

Хотя тайна оставалась неразгаданной до наших дней, Мишель де Нотрдам в нескольких четверостишиях за 240 лет до случившегося рассказал миру истории Людовика XVII.

Для историков дело Людовика XVII представляет двойную загадку, которую сумел решить лишь Мишель Варте ль, автор книги «Людовик XVII, или Секрет короля». На основе этой книги французский нострадамовед Мишель Морен впервые дает толкование катренов Нострадамуса, которые помогли найти ключ к разгадке тайны Тампля.

VI, 52:

Взамен великого, который будет обречен,

Явится его дружок, вышедший из темницы,

Троянцы будут ожидать с упованием шесть месяцев, но бесцельно

? Ожидание троянцев шесть месяцев продолжится, угаснет при рождении?,

Солнце в урне, река закована льдом.

Этому катрену М. Морен дает следующее объяснение: «Оттуда, где будет осужден великий король (т. е. из Парижа), его наследник совершит побег из тюрьмы, на его же место поместят манекен. Дофин, потомок троянских королей, который не успеет прийти к власти, будет спрятан в течение шести месяцев на чердаке маленькой башни. Это произойдет, когда Солнце вернется в Водолей (Гите), т. е. 21 января. В этот тяжелый день будет очень холодно, и Сена будет гнать льдины.

В 1990 г. стало известно, что этот катрен относится не ко второму сыну Людовика XVI, Луи Шарлю, а к его первому сыну, Луи Жозефу, чья смерть официально была объявлена 4 июля 1789 г. в Медоне. На самом деле он не умер, и Робеспьер знал эту тайну, за что и поплатился жизнью 28 июля (термидора) 1794 г.

М. Морен полагает, что в действительности оба сына Людовика XVI содержались, каждый до определенного срока, в парижской тюрьме Тампль. Вот что

волновало воображение историков на протяжении двух столетий!

II, 58:

Без рук и ног, с твердыми и острыми зубами ?На глобусе??

В портовом форте старший народится.

У входов города – похищение плутовским путем,

При свете Месяца уводят большого и малого.

Этот катрен М. Морен объясняет следующим образом. Не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой, но обладая сильными и острыми зубами, старший сын короля спасется и будет вынесен из крепости Тампль. Обманным путем его пронесут в гробу мимо портала церкви (святой Маргариты). Будет светить луна. Вместо маленького (дофина) по ошибке вынесут большого, т. е. первого сына Людовика XVI, Луи Жозефа, который объявится впоследствии под именем Карла Наундорфа.

О побеге двух братьев из тюрьмы Тампль рассказывает еще одно четверостишие (IX, 24):

Из окон замка, расположенного на горе,

Будут украдены два маленьких царских потомка.

Проследуют по Аврелианской дороге

?через долину Ор/ ?Авре/? сквозь Орэ ? ? Рим – Пере – Пиза/ до Лютеции, в обитель Сен-Дени.

Отшельница... съедены зеленые размельченные орехи.

Здесь речь, по-видимому, идет о том, как из комнат настоятеля Тампля, где находился надзиратель Роше, будут похищены два сына короля Людовика XVI. Они проследуют по Парижу и укроются в аббатстве Сен-Дени с помощью одного священника. По этому поводу будет много злых домыслов, от которых будет тошно (как от неспелых плодов – неспелые косточки).

Итак, история, случившаяся в Тампле, очень запутана. В нескольких четверостишиях Нострадамус представляет нам потрясающую версию этого события, и версию достаточно логичную.

Наполеон I (1804–1815)

Имя Наполеона Бонапарта впервые было произнесено перед Францией и всем миром на заседании Конвента от 9 октября 1795 г. – через четыре дня после подавленного им роялистского восстания. Парижские газеты, передававшие речь героя 9 термидора – Фрерона – о подвигах 26-летнего Бонапарта при ликвидации мятежа, не умели правильно писать его фамилию и печатали ее БуонаПарте. На следующий день, по предложению председателя Директории – Барраса, Конвент объявил Наполеона генералом.

Два года спустя, после возвращения Наполеона на родину со славою победителя Италии, улица, на которой жил Бонапарт, была переименована в улицу Победы, каковое имя за ней сохранилось до сих пор.

10 декабря 1797 г. Наполеон передал председателю на торжественном заседании директории текст франко-итальянского мирного договора, ратифицированного в Кампо-Формио. Обращение Барраса к Бонапарту выразило, при этом случае, мнение всей Франции: «18 столетий спустя вы отомстили Цезарю за его победы над нами».

Парижские газеты единодушно признавали, что за два года Наполеон завоевал тысячу веков славы.

Бурьен – секретарь Бонапарта – рассказал о тех мыслях, которые в это время занимали ум генерала.

Направляясь однажды вместе с Наполеоном в Люксембургский дворец, местонахождение Директории, Бурьен заметил сосредоточенный и молчаливый вид Наполеона. Чтобы прервать молчание, Бурьен спросил Бонапарта, остался ли он при своем решении покинуть Францию.

– Да, – ответил Наполеон. – Я все испробовал. Они (директора) меня не хотят. Мне необходимо их свергнуть и самому стать монархом. Но об этом еще рано думать. Я зондировал почву. Мне нужно ослепить эту толпу.

С этой тайной целью Наполеон организовал военную экспедицию в Египет. 16 октября 1799 г., покрытый лаврами новых побед, Бонапарт возвратился во Францию. Три недели спустя – 7 ноября – группа сенаторов собралась у своего председателя Лемерсье, чтобы обсудить план государственного переворота.

Через 2 дня – 9 ноября – на заседании сената в 8 часов утра был принят декрет, согласно которому место заседаний Совета Пятисот переносится из Парижа в Сан-Клу. Исполнителем декрета назначался генерал Бонапарт, которому немедленно было сообщено об этом на его квартиру, где к этому времени собралось большое число штабных офицеров. Наполеон тотчас же направился в Тюильрийский дворец. В его присутствии председатель сената огласил недавно принятый декрет, после чего Бонапарт взял слово.

– Республика, – сказал он, – была близка к падению. Вы это знали и поспешили спасти ее. Не ищите примеров в прошлом. Ничто в истории не похоже на конец XVII века, и ничто в конце XVII века не похоже на настоящий момент.

В 11 часов утра ворота Тюильри были заперты, и Наполеон принял парад 10 000 солдат.

В обеденное время того же дня собрался в смятении и растерянности Совет Пятисот, заседавший в том же здании, где теперь собирается палата депутатов (Палэ Бурбон). Допущенный в залу заседания государственный курьер передал секретарю парламента сенатский декрет. После его оглашения председатель, несмотря на протесты депутатов, закрыл заседание, назначив следующее собрание на завтра в 12 часов дня в Сан-Клу.

Когда на следующий день, 10 ноября 1799 г., в новом месте собрался Совет Пятисот, начавший заседание с обсуждения причин перенесения работ парламента в Сан-Клу, двери распахнулись и с непокрытой головой, без оружия, вошел Наполеон. Его сопровождали четыре безоружных гренадера, смешавшихся с толпой офицеров, стоявших у дверей.

В мгновение ока все собрание вскочило со своих мест.

– Генерал! – громко воскликнул один из депутатов. – Что здесь Бонапарту нужно? Это не ваше место! Он вне закона! Нам не нужно диктатора!

Наполеона окружили и схватили за шиворот. Депутат Арена, вооружившись кинжалом, хотел заколоть Бонапарта, но один из гренадеров парировал удар и был ранен в руку.

Председательствовавший на собрании брат Наполеона, Люсьен, с большим трудом добился тишины.

– Намерение генерала, – сказал он, – наверное, заключалось в том, чтобы познакомить собрание с настоящим положением вещей.

Крики и угрозы прервали речь председателя, и Люсьену пришлось покинуть председательское место. Двадцать гренадеров окружили брата Наполеона и под своей защитой вывели его из зала заседания.

Парламент охватило волнение. Возник хаос, в котором перемешались голоса, шум передвигаемых стульев, крики, среди которых нельзя было различить ни слова. Издали доносились приближавшиеся звуки барабанной дроби. Двери парламента снова распахнулись. Посторонняя публика в испуге спасалась бегством, прыгая из окон зала заседания. Офицер, вошедший в сопровождении многочисленных солдат, громко сказал: «Генерал Бонапарт приказал очистить залу».

Гренадеры немедленно заняли переднюю половину залы, а депутаты – остальную часть. Солдаты на короткое время остановились, чтобы подождать, пока освободятся помещения. Двенадцать депутатов сгруппировались около председательской трибуны и один из них громко воскликнул:

– Кто вы – солдаты? Вы – только охрана Национального представительства, а вы позволяете себе посягать на его безопасность и независимость, тем самым топчa в грязь свои лавры!..

Солдаты хладнокровно выслушали эту речь. Снова раздался звук барабанной дроби, и они двинулись вперед. Депутаты были вынуждены уступить свои места солдатам.

Несколько дней спустя один из парижан по-своему осуществил завет Французской революции: жить свободным или умереть. У ног статуи Свободы, воздвигнутой на знаменитой площади Революции, он прострелил себе череп в час самого большого оживления на улицах – в 3 часа пополудни.

Комментаторы предполагают, что историю жизни Наполеона I Нострадамус предсказал в мельчайших подробностях от рождения до смерти.

I, 60:

Близ Италии народится Император,

Который дорого встанет империи.

Сообщат, [лицезрея], с какими особами он вступает в союз,

Что это скорее мясник, чем принц.

Сказанное в этом катрене действительно очень точно подходит к Наполеону, который родился на Корсике. Войны, которые он вел, унесли свыше миллиона человеческих жизней – цифра, неслыханная до этого времени и превзойденная только в XX веке.

Новая знать, которую создал Наполеон из своих маршалов и генералов – бывших конюхов, трактирщиков и т. п., могла вызвать у Нострадамуса, правоверного монархиста, презрительную реплику в 3–4 строках.

В этом пророчестве Нострадамус на расстоянии двух с половиной веков как бы услышал то, что говорили во время египетского похода и московского отступления французские солдаты, раздраженные долгой разлукой с родиной и физическими лишениями, вызванными войной. Указывая на мимо проходивших Наполеона и его генералов, солдаты, как правило, громко обзывали их палачами французов.

И как воин, и как император Наполеон Бонапарт вызывал в людях и страх и восхищение

Если попытаться соблюсти хронологический порядок катренов, повествующих о Наполеоне, то следующим, пожалуй, можно считать катрен VII, 13:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/nostradamus_mishel/nostradamus

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)